

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

ЛИРИКА

В ЕВГЕНИЙ
ВИНОКУРОВ

ЕВГЕНИЙ
ВИНОКУРОВ

Лирика

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА · 1962

Оформление художника
М. ШЛОСБЕРГА

СТИХИ
О ДОЛГЕ

* * *

Я эти песни написал не сразу.
Я с ними по осенней мерзлоте,
С неначатыми,
 по-пластунски лазал
Сквозь черные поля на животе.

Мне эти темы подсказали ноги,
Уставшие в походах от дорог.
Я с тяжким потом добытые строки.
Как и себя, от смерти не берег.

Их ритм простой мне был напет метелью.
Задувшею костер,
 и в полночь ту
Я песни грел у сердца, под шинелью.
Одной огромной верой в теплоту.

Они бывали в деле и меж делом
Всегда со мной, как кровь моя, как плоть.
Я эти песни выдумал всем телом,
Решившим все невзгоды побороть.

1945

* * *

Пока есть в реках сила гнать каменья,
Пока есть вьюги, чтоб в полях греметь,
Пока есть руки, труд и нетерпенье,
Пока сердца есть, чтобы песни петь,—

Поэты будут

грустно, нежно, страстно

Писать про юность много-много лет.

Ты ж встань

сейчас

решительно и властно,

В ушанке серой, прозных дней поэт!

Ты встань сейчас и расскажи потомкам,
Как в юности, средь воющих снегов,
Ты жил в полях, как в бой ходил, о том, как
Колол штыком и не писал стихов.

1945

* * *

Дайте полночь в мои осторожные руки,
Чтоб шумела широкой и мокрой сиренью.
Я не трону ее, только в шумы и звуки
Осторожно поставлю кой-где ударенья...

Дайте плотные ливни и молнии мая,
Закоулки лесные и даль зоревую.
Я листа не сомну, стебелька не сломаю,
Только шелесты трав и берез зарифмую...

Дайте полные неба речные затоны,
В острых искорках звезд, и откосы крутые.
Я в полях предвечерних травинки не трону,
Лишь, волнуясь, помечу кой-где запятые...

1945

* * *

Я знал его.

Огнем одним
Ладони грея, вечерами
Я говорил, бывало, с ним,
Примерно как теперь вот с вами...
И помню, утром как-то раз
За речкой Стрый, окончив отдых,
Мы в бой пошли,
и всех потряс
Его великим ставший подвиг.
Сейчас, сжав автомат в руках
И сдвинув брови с жесткой волей,
Стоит он, бронзовый, в веках...
Его мы звали просто —
Колей.

1945

* * *

Нет, не только все время ветер зловещий,
Нет, не только пожаров коричневый цвет, —
В мире были такие хорошие вещи,
Как, например, восемнадцать лет.

Как, например, очень темные ночи,
Очень грустные песни,
кустарник в росе,
На котором весна узелочки почек
Завязала затем, чтобы помнили все...

Но о чем же нам помнить?
У нас ведь с собою
Все, что надо для юности,
здесь вот,
у ног:
Километр дороги до первого боя,
У плеча в вещмешке на неделю паек!

Но однажды, особенным вечером,
в мае,
Бородатый солдат под смолистый дымок
У костра на досуге, шинель зашивая,
Про любовь рассказал нам нескладно,
как мог...

1946

* * *

Мне далеко еще с полком идти,
Пыль поднимая, с трав сбивая росы,
И, может быть, когда-нибудь в пути
Меня любовь внезапная подкосит.

Звездистой ночью, темной, ветровой.
Огонь тревожный растоплю корою,
Сниму шинель, оденусь с головой
И глаз до света так и не закрою.
И все пройдет.

А утром встану в строй
На место прежнее, второе с краю,

И вместе с ротой гулкою порой
Под свист и топот песню заиграю...
Лишь через годы, вечером, во мгле,
Я другу тайну невзначай открою —
О той, что видел как-то раз в селе
И что еще не позабыта мною.

1946

З Е М Л Я К

Со мной в одной роте служил земляк —
Москвич, славный парень — Лешка.
Из одного котелка мы с ним ели так:
Он — ложку, я — ложку.

Вдали от Москвы, по чужой стороне,
В строю мы с ним рядом шагали.
Мы спали бок о бок и часто во сне
Друг друга локтями толкали.

А в затишье, бывало, после атак,
На привале ко мне он подляжет,
И мы про Москву говорили с ним так:
Я — расскажу, он — расскажет.

В костре на ветру угольки догорят,
Шумит по-немецки кустарник,
А мы вспоминаем соседских ребят
И кинотеатр «Ударник».

Он был под Варшавой в бою штыковым
Убит. Мы расстались. Навеки.
Он жил на Арбате, в большом, угловом,
В сером доме,
 что против аптеки.

1946

СОЛДАТ

Мимо лип прибрежных оробелых,
Мимо длинных, длинных, длинных сел
В сапогах больших, от пыли белых,
Полк пехотный шел —
С развеселой песнею военной.
А последним, замыкавшим ряд,
Был в строю совсем обыкновенный,
Роста невеликого солдат.
На спине был щит от пулемета,
Ранец, как положено бойцу.
Пел он громче всех,
и струйка пота
Медленно стекала по лицу.
Пыльная дорога. Полдень. Душно.
Это стало все давно былым.
Вспомнил же его я потому, что
Это я был им.

1946

* * *

Снегом густым
Замело,
Забуравило.
Ничего не разобрать
Добром.
А зимы еще не было,
Просто набело
Осень была переписана ноябрем.

А зимы еще не было,
Просто неистово
Ветер врезался в глубь сосняка...

Я обмотки разматывал,
Словно перелистывал
Страницы солдатского дневника.

1946

* * *

Вечер в город весенний явился опять
С открытыми окнами,
с патефонными
вальсами.
Наигравшиеся дети улеглись спать,
Укрывшись байковыми одеяльцами.

Смешалось, спуталось — не разберешь,
Где звезды, где окна, где клены, где зданья!
Очкастые студенты спешат без калош
Мокрыми лицами на свиданья.

Мне спать еще рано,
да при такой
луне,
В вечер такой, взбудораженный
кленами,
Разве уснешь? Что же делать мне,
Взрослому и невлюбленному?

1946

* * *

О, сколько солнца в детстве я познал!..
Оно лилось к нам по утрам из окон,
Оно ломилось в физкультурный зал,
Оно глаза слепило за уроком.

Пилотку сняв, — в походе, средь работ, —
Молчу торжественно я всякий раз недаром,
Когда оно, великое, встает
Над кромкой леса раскаленным шаром!

1946

* * *

Мир разлетелся в две стóроны:
С луною и без луны.
Тонкие рельсы настроены
Строем тревожной струны.

По ветру воеет чудищем
Поезд.

 В окно взгляни:
Видишь березы, что в будущем, —
Вон уже в прошлом они!

Окна закроем,
 холодом
И лесом вагон проветрив.
Двадцать минут до города.
До полночи пять километров.

1946

* * *

Дым в окно врывается
Хлопьями белёсыми,
Поезд в ночь врезается
Острыми колесами.

Буфера, качаяся,
Звонко бьются блюдцами.
Милая, печальная,
Где ты?
 Не вернуться ли?

Ширь полей пустынная
В окнах, как приклеенная.
А дорога длинная
И одноколейная...

1946

В КАРПАТАХ

Дорогой спиральной и узкой,
О гравий корябая шины,
В небо с тяжелой нагрузкой
Ввинчивалась машина.

Кружка на поясе билась,
Пилотка сползала косо.
Облаков сероватую сырость
Перемальвали колеса.

И — вниз!

Только ветры взвыли,
И снова равнина и хатки...
Из кружки на землю я вылил
Мутного неба остатки.

1946

ДВАДЦАТЬ ПЯТОГО ГОДА РОЖДЕНЬЯ

Вчера мы писали диктанты,
Чертили на досках круги,
А утром уже интенданты
Нам выдали сапоги.
В широкой армейской шинели
Мы ростом казались малѣ,
Мы песни залиvisto пели,
Скребли, провинившись, полы.
Когда же, идя на ученья,
Мы путали ногу подчас:
— Двадцать пятого года рожденья! —
С усмешкой кивали на нас.
Но фронт наступил!

Мы мужали
В сражениях день ото дня,
С соседом до битвы сдружаясь,
Друзей после битв хороня.
Орудия, танки, повозки
Гремели по городам,
И пели по-чешски и польски
Веселые девушки нам.

А в час, когда звезды студены,
Над онемевшей рекой
Немецкие аккордеоны
Рыдали рязанской тоской...

1946

ГОРОД

Бумаг накопилось много.
Не видно конца работе.
Штабные пятые сутки
Под лампой не смыкают глаз.
А утром, едва рассветало,
Третьей стрелковой роте
Идти в наступленье был отдан
Немногословный приказ.

О городе с острыми крышами
Во рву толковали солдаты,
Сержант письмо дочитывал,
Разматывал кабель связист.
И вот над скомканным лесом
И над маленьким полем измятым
Взлетел, постоял и спустился
Тревожный и властный свист.

И все переглянулись,
И каждый подумал: «Начало!»
Комбат рукой узловатой
Снял бинокль с груди,

И артиллерия рассерженно
Кулаками застучала,
Чтоб двери открыли в том городе,
Чьи крыши видны впереди.

И рота пошла на приступ
Тесно — шинель к шинели.
«Ура!» — в груди распирало,
«Ура!» — раздирало рот.
Так вот он какой, этот город,
Чьи крыши вдали желтели!
Полроты пало в предместье,
Полроты прошло вперед.

Земля засорила небо,
Чавкают минометы,
Воздух разорван в клочья,
Рушатся этажи.
Так вот он какой, этот город!
Четверть осталось от роты.
Тот сержант, что письмо дочитывал,
На осколках стекла лежит.

Дым оседает... Каша
Варится поваром в роте.
«Так вот он какой, этот город,
Теперь разобрал, дружок!»
...Светится тускло лампа.
Не видно конца работе.
Штабной, пересилив усталость,
На миллиметр передвинул флажок.

* * *

Про смерть поэты с болью говорили
Высокие, печальные слова.

И умирали,

и на их могиле

Кладбищенская высилась трава.

Смерть неизбежно явится за всяким.

О жизнь моя, как ты мне дорога!

Но я умру когда-нибудь в атаке,

Остывшей грудью придавив врага,

Иль с палкою в руке, в смешной панаме,

С тропы сорвавшись, в бездну упаду,

И я умру под горными камнями,

У звезд остекленевших

на виду.

А может, просто — где дорога вьется,

Где, кроме неба, нету ничего,

Замолкнет сердце вдруг и разорвется

От песен, переполнивших его...

1947

КАЗАРМА

1

СКАТКА

Вы умеете скручивать плотные скатки?
Почему? Это ж труд пустяковый!
Закатайте шинель, придавите складки
И согните
 вот так — подковой.

Завяжите концы, подогнавши по росту.
Всё!
 Осталось теперь нарядиться...

Это так интересно, и мудро, и просто.
Это вам еще пригодится!

2

ГАМЛЕТ

Мы из столбов и толстых перекладин
За складом оборудовали зал.
Там Гамлета играл ефрейтор Дядин
И в муках руки кверху простирал.

А в жизни, помню, отзывался ротный
О нем как о сознательном бойце!
Он был степенный, краснощекий, плотный,
Со множеством веснушек на лице.

Бывало, выйдет, головой поникнет,
Как надо, руки скорбно сложит, но
Лишь только «быть или не быть?» воскликнет,
Всем почему-то делалось смешно.

Я Гамлетов на сцене видел многих,
Из тьмы кулис входивших в светлый круг, —
Печальных, громогласных, тонконогих...
Промолвят слово — все притихнет вдруг,

Сердца замрут и задрожат бинокли...
У тех — и страсть, и сила, и игра!
Но с нашим вместе мерзли мы, и мокли,
И запросто сидели у костра.

3

КАЗАРМА

В малиновом шарфе, взвалив на плечо сундучок,
Щеколду дверей нерешительно тронув,
В мир чуткой казармы я робко вступил, новичок,
В мир четких приказов и честных законов.
На лестнице тесной солдаты курили.

Один,

Высокий и рыжий, стоявший у входа,
Мне звонко вослед прокричал:

— Гражданин!

Не к теще ли в гости? —

И грохнула рота...

Я хмуρο прошел. А под утро, чуть свет,
Могуществом писаря полкового
Я в ротные списки уж был занесен на предмет
Довольствий — табачного и вещевого.
Был резок «подъем», была колкой шинель,
Но скоро привык я к порядкам,

а дальше,

Считай, через пару каких-то недель
Уж выдвинут был подголоском на марше.

Винтовку постиг, стал гордиться полком,
В снегу просыпался на выходе дальнем...
А рыжий тот длинный солдат
 оказался моим земляком
И неплохим даже, в сущности, парнем.

4

ОБЕД

Снял пробу врач и командир полка.
Бушуют щи,

гремит бачков железо,
И затекла узластая рука
Вспотевшего до нитки хлебореза.
Дыханьем кухни зимний день согрет.
Взметнулся крик: — Готовься на обед!

На лестнице штабной у часовых
От запахов тугие скулы сводит.
Под хрюск сапог с занятий полевых
В мощный двор за песней песня входит.
Но времени для перекура нет.
Гремят казармы: — Стройся на обед!

Столы клеенкой свежее горят,
В котлах луженых теплятся томаты.
Без шапок полк.

Засгыл за рядом ряд
В безмолвном ожидании команды.
Но нетерпенье натянулась нить,
И кончено: — К обеду приступить!

И поднимают крышки. В медном звоне
Тяжелый пар клубится по полам.
Обед настал в далеком гарнизоне,
И день переломился пополам.

5
П О Л Ы

Лишь только в небе вспыхнут звезды густо,
Без громких жестов и излишних слов
Я изучал высокое искусство
Мытья простых, некрашенных полов.

Мир поворачивался по своей орбите.
Полк ровно спал и глубоко... Ну что ж,
Я тер полы! В армейском нашем быте
Каких только занятий не найдешь!

Я воду лил, потом брал тряпку в руки
И по полу гнал водяной разлив,
Сняв сапожищи, подтянувши брюки
И рукава по локти засучив...

ПЕРВЫЕ СТИХИ

За окошком сосны голубые,
Часовых во тьме шаги глухи...
Я весенней полночью впервые
На дневальстве написал стихи.
Написал, а до утра не скоро.
И тогда я, той порой ночной,
Их прочел ленивому каптеру,
Силою разбуженному мной.
Я читал их с жаром, подвывая,
Ощущая радостный озноб.
Он смотрел, вздыхая и зевая,
И затылок пятернею скреб.
Сколько сил, упорства и старанья
С той поры я приложил, пока
Не достиг всеобщего признанья
Строгого пехотного полка.
Что есть выше для поэта, если
Слышит он — под гром идущих рот
Им самим придуманные песни
Запевала на́ голос берет!

А каптер? Он в долгосрочный вышел
И в своем селе, перед женой,
Как недавно я случайно слышал,
До сих пор еще гордится мной.

КАРАУЛКА

Караулка имеет положенный вид:
Лампа светит, пол вымыт как следует.
Карнач что-то пишет, отдыхающая спит,
Бодрствующая смена о родне беседует.

А за окнами дождь нескончаемый льет,
Плещет бочка под желобом, доверху полная.
Прогремит среди ночи вопрос: — Кто идет? —
Вдарит с росчерком синим слепящая молния.

...Я люблю караулку в такие часы
И ребят, что хохочут, истории слушая,
И в густом, знойном блеске военной красоты
Вдоль стены мощный строй боевого оружия...

СЕРЖАНТ ДЕНИСОВ

Сержант Денисов был хороший парень.
За многое ему я благодарен.
Он научил ходить в строю меня
И песни петь —

в каких-нибудь три дня.

Он мне открыл, упорный и крутой,
Всю нетактичность опоздания в строй.
И не забыли многие в полку,
Что было мне за пряжку на боку!
Но время шло. Усердный ученик,
Я тонкости различные постиг.
Побрит, шинель положенной длины,
И выправка не хуже старшины.
С тех давних пор порядок строевой
Моей натурой сделался второй.
Я стал упрям и по-армейски строг,
Я легких в жизни не ищу дорог.
Сержант Денисов был хороший парень,
Сейчас ему я очень благодарен.

АНСАМБЛЬ

Был нами сколочен ансамбль один —
Из трех балалаек и двух мандолин.
Я в нем, как еще не постигший начал,
На репетициях в бубен стучал.
Наш первый концерт в День Победы исторг
У роты, собравшейся в зале, восторг.
Потом мы играли — сыграть нам пустяк! —
Под праздники, в праздники и просто так.
Бывало, все в лагере тихо вокруг —
Палатки, да звезды, да ивы, — и вдруг
Как грянут все струны, весь слаженный строй,
Весельем, печалью и красотой!
Ребята стоят в стороне, не дыша,
У хмурых дневальных зайдетса душа.
И струны замолкнут средь шелеста ив,
Серебряной музыкой мир оросив.
Нас всех за ту власть, что была нам дана,
Любили бойцы, уважал старшина.

НОЧЬ

В час, когда отгрохочет прогулка вечерняя
 И у склада заменится старый наряд,
 Часовым, заступающим,

для развлечения

Над казармою чистые звезды горят.
 Часовые и звезды — все ясно и правильно!
 И казарма, вздымаясь полней и трудней,
 В сон уходит, как будто бы в дальнее плаванье,
 Всею мощью широких солдатских грудей.
 Сапоги у кроватей стоят как положено,
 На одежде клубками свернулись ремни.
 Тишина в гарнизоне, и осторожно
 Меж деревьев дрожат караулок огни.
 Трут дневальные пол, приседая на корточки.
 И, как в детстве — щекою в ладонь, до утра
 Смотрят сны каптенармусы и наводчики,
 Полковые сапожники и шофера.

ОТ ПОДЪЕМА И ДО ОТБОЯ

От подъема и до отбоя
На занятиях мы с тобою.
Затянувши ремни потуже,
Маршируем, или в кустах
Маскируемся, или по лужам
По-пластунски, на животах...
А потом по ночам нам снится,
Утомленным дневным трудом:
Вся в вечерних огнях столица,
В переулочке низкий дом.
Мы бываем с тобою дома
От отбоя и до подъема.

В ДОЛГОСРОЧНЫЙ

Комсорг принял взнос, и на складе начпрод
Выдал сухим пайком
Продукты ему на неделю вперед,
И он распростился с полком.
Как весело небо! Мешок на спине.
В хлеба убегает тропа.
И вдруг позади, в золотой вышине,
За лесом,

запела

труба.

Запела, рассыпалася, дразня,
Грустя и ликуя вослед.
И встал он, и вспомнил — за лесом друзья
И молодости пять лет.
Сейчас там, должно быть, с занятий пришли,
Готовится к смене наряд,
Расходятся роты, и в желтой пыли
Уже на поверку трубят.

Солдат помрачнел.
До платформы
всего

Каких-нибудь десять минут,
А звуки за сердце схватили его
И с места сойти не дают.

1947—1950

СИНЕВА

СИНЕВА

Меня в Полесье занесло.
За реками и за лесами
Есть белорусское село —
Все с ясно-синими глазами.

С ведром, босую у реки
Девчонку встретите на склоне.
Как голубые угольки,
Глаза ожгут из-под ладони.

В шинельке, —
 видно, был солдат, —
Мужчина возится в овине.
Окликни — он поднимет взгляд,
Исполненный глубокой сини.

Бредет старуха через льны
С грибной корзинкой и с клюкою.
И очи древние полны
Голубоватого покоя.

Пять у забора молодух.
Судачат, ахают, вздыхают...
Глаза — захватывает дух! —
Так синевой и полыхают.

Девчата.

Скромен их наряд.
Застенчивые чаровницы,
Зардевшись, синеву дарят,
Как драгоценность, сквозь ресницы.

1955

МАЛЬЧИШКИ

Теплым,
Настежь распахнутым вечером,
Летом,
Когда обрастут огоньками
Угластые зданья,
Я сяду у окна,
Не зажигая света,
И ощупью включу воспоминанья.

И прошлое встанет...
А когда переполнит
Меня до отказа
Былого излишек,
Позову троих
Курносых,
Беспокойных,
С оторванными пуговицами
Мальчишек.

Я им расскажу
Из жизни солдата
Были,

В которые трудно поверить,
Потом провожу их,
Сказав грубовато:
— Пора по домам! —
И закрою двери.

И забуду...
А как-нибудь,
Выйдя из дому,
Я замру в удивленье:
У дровяного сарая
Трое мальчиков
Ползают по двору пустому
Меж высоких сугробов,—
В меня играя...

1948

ДОБРОТА

Я все занесу на скрижали,
Железную точность храня, —
И то, как меня обижали,
И то, как жалели меня.

Обида, обида людская!
Забудешь одну без труда,
Другую, полжизни таская,
Не сможешь забыть никогда.

И все ж, как она б ни держалась,
Концу ее все-таки быть,
Но, острая, светлая жалость,
Тебя мне вовек не забыть.

Я зубы сжимал, чтоб не плача
Пройти среди белого дня.
Царила моя Неудача,
Несчастья терзали меня.

Сердечностью необычайной
Я был поражен на пиру,
За чаркой в райпитовской чайной,
В картофельном сытном пару.

Сидел я, печальный, у края,
И, голову вбок наклоня,
Подолом глаза утирая,
Жалели старухи меня.

О русские веси и грады!
Прошел я немало путей
И высшей не знаю отрады,
Чем доброе слово людей.

Вставало над избами солнце.
Я видел: везде разлита —
Где-с верхом, а где и на донце —
В людские сердца доброта.

1951

Я ВИДЕЛ МИР

Я видел мир
Таким, какой он есть,
Тот страшный мир
С яругами кривыми,
Со степью снежною,
Где места нет,
Чтоб сесть,
С примерзшими к винтовкам
Часовыми,

С путем бессонным
От костра к костру,
С березами,
Издерганными ветром,
С весенним ливнем,
Что, пробив листву,
Гудя, уходит в землю
На полметра.

Я видел мир,
Где черная вода
Из мелких лужиц и канав
Целебна,

Где в небо звездное
Взлетают города
И к сапогам
Ложатся слоєм щебня.

Теперь лежит он,
Стихий до утра,
Какой-то незнакомо оробелый,
В дрожащей капле
На конце пера
Безмолвной ночью
Над бумагой
Белой.

1951

ЯУЗА

Худая девочка бродила
Вдоль узкой Яузы-реки.
В слезах, опершись на перила,
Смотрела вдаль на огоньки...

В краю далеком сердце сжалось.
Проснулся в полночь я с тоской,
И Яуза мне показалась
Великой северной рекой.

И словно с высоты обрыва,
Откуда на безбрежье вид,
Торжественно и горделиво
В простор красавица глядит...

1951

* * *

Под сияющим небом, игралищем гроз,
Ветер волосы мне растрепал!
Нес меня паровоз
В дробном стуке колес,
В черном ливне мелькающих шпал.
Месяцами я шел через солнечный зной
В неохватный июльский простор.
Беспощадной и яростною голубизной
Я навеки отравлен с тех пор.
Были в жизни моей восхожденья круты,
Шли железной шеренгой года,
Синий, синий, густой океан чистоты
Мне уже не забыть никогда.
Чтобы пламень веселый во мне не потух,
Чтоб не спал вдохновенья прибой,
Как кузнец, я ковал дни и ночи свой дух,
Строгий суд я держал над собой.
Мне нужна только истина. Вынь да положи!
Жив я, правдой одной дорожа.
Знаю я — на губах так же пагубна ложь,
Как на чистом оружии ржа.

1952

В СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

В семнадцать лет
Я не гулял по паркам,
В семнадцать лет на танцах
Не кружил,
В семнадцать лет
Цигарочным огарком
Я больше, чем любовью,
Дорожил.

Среди друзей,
Как я, в сукно одетых,
Я шел,
И бился о бок котелок,
И песни измерялись
Не в куплетах,
А в километрах
Пройденных дорог.

А я бы мог
Быть нежен, смел и кроток,
Чтоб губы в губы,
Чтоб хрустел плетень...

С тяжелой ленты
Вымокших обмоток
Мой начинался и кончался
День.

Я с песней шел
Сквозь снежные завалы,
Сквозь непогоду метельных январей...
В семнадцать лет
Я был влюблен в привалы
И в пайку почерневших
Сухарей.

1952

* * *

Там валуны, шершавые на ощупь,
Там тьма, и глушь, и травы по плечам.
Там в полдень рощи,
Как старухи, ропщут
И, словно дети,
Плачут по ночам.

Мы в том краю солдата схоронили.
Трещал сушняк, ручей гремел навзрыд.
Под рыхлым пнем, светящимся от гнили,
Сырою ночью был наш друг зарыт.

Тот низкий холм
Уже трава покрыла,
Его теперь и не отыщешь днем.
Лишь по ночам горит его могила
В краю пустынном голубым огнем.

1952

* * *

В судьбу походную влюбленный,
Не в фото, где луна у скал,
В казарме, густо побеленной,
Я честно красоту искал.

Ее искал я в дисциплине,
И в пайке, выданной в обрез,
И в алом клине, дымном клине
В теплушку глянувших небес.

Прослушав грустный хрип гармони, —
А я грустил тогда всерьез! —
От глаз я отрывал ладони,
Ладони,
Мокрые от слез...

Через овраги и низины,
Через расплесканную грязь,
Я мчался в кузове машины,
На плащ-палатке развалясь.

Я брел по снежным первопуткам,
Сквозь ночь летел в товарняках,

Питался сечкой по продпунктам
И мылся в санпропускниках.

Я понимал лишь только грозы,
Дорог замес, снегов обвал...

Скупой и тонкий дух березы
В те годы я не понимал.

1953

ОТЦЫ

У возвратившихся с фронта отцов,
Мешки и подсумки облазив,
Ребята не просят
Цветных леденцов,
А просят военных рассказов.

И вот,
Уступив настояньям ребят,
Отцы им,
Пока не стемнело,
Как взрослым, о жизни своей говорят
И гладят их неумело.

А дети задремлют,
Наград боевых
Касаясь во сне головою.
Отцы осторожно баюкают их
Песенкой
Строевою.

1953

О К Н А

Как-то в детстве,
Идя по кручам,
Вдалеке, над зацветшим прудом,
Я увидел в лесу дремучем
С золотыми стеклами дом.

Я дошел.
На холме покато
Понял я среди лесной тишины:
Просто-напросто были закатом
Окна в доме освещены.

1953

МОСКВИЧИ

В полях за Вислой сонной
Лежат в земле сырой
Сереека с Малой Бронной
И Витька с Моховой.

А где-то в людном мире
Который год подряд,
Одни в пустой квартире,
Их матери не спят.

Свет лампы воспаленной
Пылает над Москвой
В окне на Малой Бронной,
В окне на Моховой.

Друзьям не встать. В округе
Без них идет кино,
Девчонки, их подруги,
Все замужем давно.

Пылает свод бездонный,
И ночь шумит листвою
Над тихой Малой Бронной,
Над тихой Моховой.

1953

К Р А С О Т А

В. Бокову

На небо взглянешь —
Звезд весенних тыщи!
Что юности в блескучей высоте?!
Но яростнее, чем потребность в пище,
Была у нас потребность в красоте.

Нам красота давалась понемножку..
По вечерам, когда шумел привал,
Сапожник ротный,
Мучая гармошку,
Ее для нас упорно добывал.

Она была минутной и не броской,
Мелькнет — и нет: под утро вдалеке,
На горке — стеариновой березкой,
В ночи —
луной, раздробленной в реке.

А то бывало: осень, вязнут танки,
И чад, и гарь — и вдруг она возьмет
И чистым взором познанской крестьянки
Из-под руки, лукавая, сверкнет.

1953

УГОЛЬ

В работе не жалея сил,
Веселою весной
Я уголь блещущий грузил
На станции одной.

А было мне семнадцать лет,
Служил я в арtpолку,
Я в легкий ватник был одет,
Прожженный на боку.

Я целый день лопатой скреб,
Я греб, углем пыля.
И были черными мой лоб
И щеки от угля.

Я запахом угля пропах,
Не говорил, не пел,
Лишь уголь мелкий на зубах
Пронзительно скрипел.

Когда ж обедал иль когда
Я чай из банки пил,
То черною была вода
И черным сахар был.

С лицом чумазым, средь трудов.
Я рад был той весне.
Но девушки из поездов
Не улыбались мне.

Вдаль улетали поезда,
Как в фильме иль во сне,
Мелькнут, и только и следа —
Дымок на полотне.

Хотелось крикнуть что есть сил:
— Пойдите, поезда!
Пойдите! Я ведь не любил
На свете никогда!

1953

ЛЕБЕДИ

Я чуть не плакал. Не было удачи!
Задача не решалась — хоть убей.
Условье было трудным у задачи.
Дано:

«Летела стая лебедей...»

Я, щеку грустно подперев рукою,
Делил, слагал — не шли дела на лад!
Но лишь глаза усталые закрою,
Я видел ясно:

вот они — летят...

Они летят под облачную гущей
С закатом, догорающим на них.
Закинул шею тонкую ведущий
Назад и окликает остальных.

Они на миг спускаются напиться
В лесок, к озерцам, и опять летят
Победно распластавшиеся птицы,
Подбадривая легких лебедей.

Простор небес они крылами били,
Снегам вершин и облакам сродни!..

Никто представить бы не мог, что были
Из школьного задачника они.

1953

ВЕСНА

Ночь выла, кружила, трубила округой.
И каждому падающему мертвецу
Так жизнь и запомнилась — белой выюгой,
Наотмашь хлещущей их по лицу.

А утром все стихло,
И мир открылся
Глазам в первозданной голубизне.
Я вылез на бруствер и удивился
Вновь — в восемнадцатый раз — весне.

Сырые холмы порыжели на склонах,
Весенние ветры сходили с ума.
И только у мертвых в глазах оголенных,
В широких,
На веки застыла зима.

1953

П Т И Ц Ы

Что означает это пенье птичьё?
Гремит, звенит, поет ночная мгла.
То песнь, наверно, звездному величью?
То космосу бескрайнему хвала?

А может, то совсем не песнь,
а просто
Так, разговор про разные дела —
Что скоро утро, что, мол, нынче росно,
Что вот, мол, дескать,
червяка нашла..

1953

В О Д А

Я до тепла был в молодости падох!
Еще б о печке не мечтать, когда
По желобку меж стынувших лопаток
Струится холодящая вода!
От той смертельной, муторной щекотки
Спирает дух, как на полке в парной,
Особенно когда еще обмотки
Пропитаны водою ледяной.

Шинель моя намокла, как мочало,
Умерь попробуй звонкий лязг зубной!
Вода стонала,

хлюпала,

пищала

В зазоре меж подошвой и ступней.

Она была обильною и злою,
Текла с дерев на лоб, на щеки, в рот.
Ее с лица я отирал полою,
Как возле топки отирают пот.

В разливы рек я брел и брел по шею,
Я воду клял и клял на все лады.
Я не запомнил ничего страшнее
Холодной этой мартовской воды.

1953

* * *

На вешалке в передней шубка кунья,
И в комнате, в нелегкой духоте,
Та женщина — тряпичница и лгунья —
Сидит, поджавши ноги, на тахте.
В окне рассвет идет на смену мраку.
Там голубю привольное житье...
Она сейчас должна поднять в атаку
Все обаянье юное свое.
На блузке брошь с тяжелой оправой,
И пальцы молодые холодны...
Зачем такой,
 никчемной и неправой,
Глаза такие гордые даны?
За окнами, покинув горстку проса,
Уходит голубь в купол голубой.
Из века в век поэзия и проза
Смертельный бой ведут между собой.

1954

ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Я помню хлеб. Он черен был и липок —
Ржаной муки был грубоват помол.
Но расплывались лица от улыбок,
Когда буханку ставили на стол.

Военный хлеб. Он к щам годился постным,
Раскрошенный, он был неплох с кваском.
Он вяз в зубах, приклеивался к деснам,
Его мы отдирали языком.

Он кислым был —
ведь был он с отрубями!
Не поручусь, что был без лебеды.
И все ж с ладони жадными губами
Я крошки подбирал после еды.

Я неизменно с острым интересом
И с сердцем замирающим следил
За грозным, хладнокровным хлеборезом.
Он резал хлеб!

Он черный хлеб делил!

Я восторгался им, прямым и честным.
Он резал грубо, властно, без затей,
Горелой коркой,
 как в угле древесном,
Испачкавшись почти что до локтей.

На нем рубаха взмокла холстяная.
Он был велик в восторге трудовом.
Он резал хлеб,
 усталости не зная,
Лица не вытирая рукавом!

1955

А К К О Р Д Е О Н

Весь золотой, кофейный,
Зеленый по краям,
Аккордеон трофейный
Попал однажды к нам.

Он индевел ночами
В седые холода,
Он обливался щами
В толкучке иногда.

Валялся в мокрых травах,
Соскакивал в ручьи,
Среди портянок ржавых
Сушился на печи.

От края и до края
Прошла —
 дорог не счесть! —
Богатая, чужая,
Сверкающая вещь.

Ремни нежны и узки,
Весь в перламутре он.
Как плакал он по-русски,
Чужой аккордеон!

Напев летел в обозы,
До сердца пробирал...
И старческие слезы
Обозник вытирал.

Слышна по всей округе
Была его игра...
И на плече подруги
Рыдала медсестра.

1955

РАБОТА

Я на кручу тяжелые шпалы таскал.

Я был молод и тонок —

мне крепко

досталось!

Но лишь пот в три ручья да надсадный оскал

На подъеме крутом выдавали усталость.

Налегая всем телом, я глину копал,

Я кидал эту глину лопатой совковой.

Я под вечер с лица потемнел и опал.

Землекоп из меня мог бы выйти толковый.

Я был выделен в баню для носки воды.

В группе старых бойцов, работающих и дюжих.

Мы таскали три дня.

На ладонях следы

Целый год сохранялись от ведерных дужек.

Я поленья с размаху колол колуном.

Я для кухни колол и колол для котельной.

Только мышцы ходили мои ходуном

Под намокшей и жесткой рубахой нательной.

Я был юным тогда.
 Был задор, был запал.
Только к ночи, намаявшись, словно
 убитый
Я на нарах, лица не умыв, засыпал,
На кулак навалившись щекою небритой.

1955

* * *

Земля омыта
Летними дождями.
Нам вдаль идти
С припевом строевым,
Нам вдаль идти,
Где прочно, как гвоздями,
Прибита пыль
К дорогам полевым!

Еще темно,
Звезда моргнет
И канет.
Весь долгий день
Шагать придется,
Брат.
В пути рассвет
По спинам нашим встанет,
По лицам нашим
Спустится закат.

И там, в пути,
Среди июльской лени,

На перекур усядемся под рожь,
И ты, пилотку
Глядя на колене,
Свои стихи мальчишечьи
Прочтешь.

И будет в них — луна.
Луна над садом.
И будет небо —
В зареве на треть,
И та,
С которой ты хотел бы рядом
В обнимку над рекою
Посидеть.

Они грустящей молодостью дышат,
В них звонких рифм
Веселая игра...
Но кто ж стихов
В семнадцать лет
Не пишет?..

Вставай-ка, друг,
Уже зовут.
Пора!

1955

* * *

Ночь уже наступила глубокая.
Улеглись и не спят, калякая,
Вологодцы, владимирцы — окая,
Москвичи и рязанцы — акая.
Жестковата шинельная наволочка,
Колет спину соломы вязаночка...
Где ты, где ты, моя ярославочка?
Где ты, где ты, моя рязаночка?

1955

КСЕНИЯ

В комнату со шторами
Из пустых сеней,
Звонко звякнув шпорами,
Мы входили к ней.

Три шинели вешали
На гвозде в углу,
Сдержанны и вежливы,
Чинно шли к столу.

Била ночь осенняя
В стекла старых рам.
Сев напротив,
 Ксения
Улыбалась нам.

Худенькая, славная.
На руку щекой, —
Шейка слишком слабая
Для косы такой!

За окном неистовый
Ветер выл во мгле,
А ему подсвистывал
Чайник на столе.

И за разговорами
О своем былом
Мы звенели шпорами
Глухо под столом.

Но без сожаления
Строго в первый час
До порога Ксения
Провожала нас.

Улыбалась, тонкая,
Сразу всем троим.
Хмуρο шапки комкая,
Грустно постоим.

И минута тихая
Наступала тут,
Только слышно — тикая,
Ходики идут.

...Там, где ветер, рыская,
Роет бурелом,
Есть землянка низкая
В роще за селом.

Там, дымя махоркою,
Навалясь на стол,
Мрачно пили горькую
И смотрели в пол.

Там, как праздник празднуя,
От тоски люты,
Пели песни разные
Мы до хрипоты.

1955

БОЛЬ

Нас воспитала строгая эпоха,
Ей сетованья были не с руки.
Мой ямб пехотный приспособлен плохо
Для грусти, для признаний, для тоски.

Грусть по тебе меня сегодня гложет,
И я грущу, и в этом нет греха,
А боль моя все прозвенеть не может
Сквозь трубный ритм железного стиха.

1955

ЖЕНА

Она — жена моя,
Нет, не невеста,
Она — жена.
Она встает чуть свет.
Она в смятенье не находит места,
Когда меня с работы долго нет.

Шла девочка со мной
Когда-то, где-то,
Беспечная.
Мы плыли по реке...
Пять лет уже ночами до рассвета
Моя жена спит на моей руке.

Она — жена моя,
Нет, не подруга,
Она — жена.
Рот молчаливо сжат.
Коль плохо мне, два черных полукруга,
Печальные, у глаз ее лежат.

Шла девочка со мной.
Пред нами лютой
Пылала полночь
Лунной красотой...

Мою жену с той девочкой не спутай.
Я девочки совсем не знаю той.

1955

ВСТРЕЧА

На продпункте я ел
По последним талонам.
Вслед печально смотрел
И махал эшелонам.

Пил пустой кипяток
С населеньем вокзала.
Кружки три — не питок!
Больше трех не влезало.

С дальних, призрачных рощ
Ветра резкая сила
Листьев радужный дождь
На перрон заносила.

Я ходил взад-вперед.
Все мне было знакомо:
Жил дорожный народ
На перроне, как дома.

Рыжий парень с ножа
Кушал серое сало.
Ртом заколки держа,
Баба волос чесала.

Скучный полдень томил.
Сев со смазчиком рядом,
Я солидно дымил
Молодым самосадом.

Смех вдруг вспыхнул, звеня,
Как-то чисто и ломко:
Бросив взгляд на меня,
Мимо шла незнакомка.

Шла она стороной,
В неуклюжей, нескладной,
По колени длиной,
Грузной стеганке ватной.

Неуклюжий наряд,
Неуклюжа фигура.
Только синим был взгляд
Да коса белокура!

Я застыл, сам не свой, —
С сердцем не было слада, —
Под густой синевой
Величавого взгляда.

Я хотел подойти,
Но проклятая робость
Пролегла на пути
Между нами, как пропасть...

Вдалеке семафор,
Предвещаая разлуку,
Как усталый актер,
Поднял горестно руку.

И под пляску колес,
Под колес переборы
Поезд грозно унес
Гору дыма в просторы.

Много минуло дней
С той поры, и не скрою,
Вспоминал я о ней
С затаенной тоскою.

Вспоминал,
 крепким сном
Под кустом забываясь
И в полку запасном
Поутру обуваясь.

За обедом вдруг стук
Раздавался, бывало, —
Это ложка из рук
У меня выпадала...

1955

ЛЮБИМЫЕ

Характер всех любимых одинаков!
Веселые, они вдруг загрустят,
Отревновав, отмучившись, отплакав,
Они угомонятся и простят,

И зацелуют. Не дадут покою!
Руками шею крепко обовьют.
Взглянув в глаза, к щеке прильнут щекою.
Затормошат. Любимым — назовут!

Но лишь попробуй встретить их сурово,
Лишь руку осторожно отстрани,
Скажи: «Сейчас мне некогда!» — и снова
На целый день надуются они.

...Нет трогательней в мире беспорядка
Волос их мягких в тот рассветный час,
Когда они доверчиво и сладко
Спят, разметавшись, на руке у нас.

Любимые!

Когда мы уезжали,
Нас, юных, мешковатых и худых,
Они одни среди ночи провожали
По черным лужам в туфельках худых.

Мы строго шли вперед.

Что нам, героям,
Смятенье их, — дорога далека!
Они бежали за поющим строем,
Стирая слезы кончиком платка.

Они в ночи стояли вдоль перрона,
Рыдая,
с непокрытой головой,
Пока фонарь последнего вагона
Не потухал за хмарью дождевой.

И в час, когда на тротуарах наледь,
Возвышенных достойные судеб,
Они стояли, чтобы отоварить
Мукою серой карточки на хлеб.

И снилось нам в огне чужого края:
Их комнатка — два метра в ширину, —
Как, платье через голову снимая,
Они стоят, готовятся ко сну.

Любимых, как известно, не балуют —
Два-три письма за столько лет и зим!
Они прижмут к груди и зацелуют
Те десять строк, что мы напишем им.

Они в товарняках, по первопуткам
К нам добирались в тот далекий год.
С убогим узелком, они по суткам
Толкались у казарменных ворот.

А часовой глядел на них сурово.

Любимые,

не зная про устав,

Молили их пустить и часового

В отчаянье хватали за рукав.

Они стоять могли бы так веками,

В платках тяжелых, в легких

пальтецах,

От частых стирок с красными руками,

С любовью беспредельною в сердцах.

1955

* * *

В час постелей,
Ко сну приготовленных,
В час

Заоконных ветров,
Забирающих круто,
В глуби ванной, в тепле,
Возжигается газ,
Как лампадка
Всесильному богу уюта.

В этот час
Где-то чай не спеша кипятят,
Где-то стол накрывают,
Ведут разговоры,
Встав на цыпочки,
Жены в халатах до пят
Опускают над ночью гремящею
Шторы.

Только я свой уют
Представляю не так:
Вечно славить мне

Взявшую скорость
С разгона
Через села и реки,
Сквозь ливень и мрак,
В клубах пара летящую
Полку вагона.

1955

ПРИЗНАНЬЯ

П Р И Р О Д А

Природа.

И я не избег ее козней,
И я любил, идя вдоль межи,
Гробовые молчания осени поздней,
Весны безудержные кутежи.
Что может ее быть щедрей и краше?..
Я равно ценю, различья познав,
И виктории-регии белые чаши,
И вас, незабудки,
 дети канав!

Природа!

Я рвал ее путы и скрепы,
Я к солнцу руки тянул из норы...
Водопады и тигры ее — свирепы,
Травы и овцы ее — добры.
Я с детства пред нею благоговеею...
Она была чахленьким деревцом,
За мусорной свалкой я встретился с нею,
В колодце двора,
 к лицу лицом.

Позже я плыл на плотках по Каме...

На тысячи верст безлюдье храня,
Лесами и царствующими облаками
Она окружала в те дни меня.
Я помню юг. За пологим мысом
Дрожала пена — морей молоко.
В небе, разрубленная кипарисом,
Луна, поднявшаяся высоко...
Природа.

Она стучит родниками.
Тронь дно — и занует кисть руки.
Под молчаливыми ледниками
Она погребает материки.
О ней не случайно сказано было:
Гони ее в дверь — влезет в окно.
Весною асфальт не она ли пробила
Травинкой,

высосавшей зерно?

...Все живущее на два пола
Она разделила. Не спорить же с ней!
И нету резче, быть может, раскола,
Идущего от изначала дней.
Непреступаемая граница!
Как двум полюсам, как двум врагам,
Сливаясь вечно, все же не слиться
Этим двум берегам.
И вот содрогаются мир от пенья.
Выпаливая радость, страсть и тоску,
Разряженный в самые лучшие перья,
Токует тетерев на суку.

...Я летел на «ЛИ-2». С высоты
полета
Видел сквозь облачный рваный дым;

СТИХИ О ДЕТСТВЕ

1

На улице мне сладко было
Веселый запах встретить вдруг
Простого
Ягодного мыла...
О запах детских щек и рук!
О детства запах!
Сразу,
Сразу
Все то предстало предо мной,
О чем не вспоминал ни разу,
Что было где-то за войной.

2

Сейчас поверят в это разве?
Лет двадцать пять тому назад,
Что политически я развит,
Мне выдал справку детский сад.
Вы улыбнетесь, знаю:
Ибо
И странно это и смешно.

Педагогических загибов
Пора окончилась давно.
Меня и нынче брат мой дразнит,
Он этой справки не забыл...

Но политически я развит
Действительно в те годы был.
Я с глубочайшим интересом
Журнал «Прожектор» раскрывал.
Я кулака с тупым обрезом,
Улегшись на пол, рисовал.
Я, помню,
Не жалел под праздник
Ни черной туши, ни белил,
Весь мир на белых и на красных
Безоговорочно делил.
Задорный, тощий, низкий ростом,
Я весело маршировал,
И в каждом человеке толстом
Буржуя я подозревал.
Я знал про домны Приазовья
И что опять бастует Рим.

И я к друзьям пылал любовью
И был к врагам непримирим!

3

Мне вспоминается:
Вначале,
Надев с достоинством очки,

Меня детально изучали
Из Наробраза знатоки.
Я прыгал в зале неуютном,
Шнурки болтались башмаков.
Я был тогда ребенком трудным,
По утверждению знатоков.
«Нацелим»,
«Сдвинем»,
«Обязуем»,—
Я слышал чуть не целый год.
Я знал:
я трудновоспитуем!
И втайне был немного горд.
Но воспитательное дело
Торжествовало. Как-никак...
Я стал завязывать умело
Свои шнурки на башмаках.

4

Средь стен казарменной окраски,
С вселявшей ужас чистотой,
Как радуга, цветные сказки
Нас поражали пестротой.
А Аполлон, что над фронтоном
Квадригу вздыбил над Москвой,
Бойцом казался пропыленным
В лихой тачанке боевой.
Мы путали легко и просто,
Ребята тех далеких лет,
Иван-царевича геройство
И информации газет.

Шпалерами стояли койки.
Мы знали,
Тощие мальцы,—
На посевные и на стройки
От нас уехали отцы.
Когда нас в зале Марь Иванна
В кружок под вечер соберет,
В бравурных звуках фортепьяно
Мы начинали хоровод.
Мы тоненькими голосами
Вели печально «Каравай»,
А Марь Ивановна глазами
Грозила мне:
«Не подвывай!»
Мы тоненькими голосами
Вели,
А в глубине окна
Мерцающими корпусами
Светилась новая страна.
Во тьме деревня за деревней
Шатались в снеговой гульбе,
И хаос горестный и древний
Протяжно запевал в трубе.
Проснувшись полночью в постели,
Обняв колени,
В тишине,
Мы, не стирая слез, глядели
На вспышки дальние в окне...

6

Срок воспитанья
 Был недолог.
 На счастье или на беду,
 Педолога сменял
 Педолог,
 Как бы играя в чехарду.
 Передо мной,
 Как кинолента,
 Мелькали лица.
 Рад не рад —
 Объектом для
 Эксперимента
 Я неплохим стал,
 Говорят.
 За методом
 Сменялся метод,
 Был схемами
 Заполнен зал.
 Тот все кричал,
 Сюсюкал этот,
 Тот кутал,
 Этот закалял.

7

А где-то мать в платочке белом
 Шла в громкие цеха чуть свет,
 Заведующей губженотделом —
 Ей двадцать пять неполных лет.
 Рожь вымерзла в тот год на пашнях.

— Дай хлеб! —
Был краток разговор,
И сотни страшных глаз заправших
Глядели на нее в упор.
В тот год ни воблы, ни конины
Не продавалось в городах,
Тяжелый снег давил на спины
Томящихся в очередях.
Непринужденны и форсисты,
В очках и с острым кадыком,
Среди народа интуристы
Гуляли важно с «кодаком».
Средь строек,
Вшей,
Недоеданий
Их поражала неспроста
В России глубина страданий
И идеалов высота.

8

В узорах ризы золотые,
Затейливый иконостас —
Забавы грозной Византии,
Из тьмы дошедшие до нас.
В церквушке было тесновато,
Мы стали с бабкой в уголок.
О счастье рая, муке ада
Летел псалом под потолок.
Стоял я с безучастным взглядом,
Без содрогания в душе,
Стоял под раем и под адом,
Катая за щекой драже.

Смешливой, трогательной, хрупкой
Ты пионеркою была.
Мы шли полями.
Пел вожатый
И знамя на плече держал.
В худой руке моей
Зажатый
Горн холодеющий дрожал.

Под песню маленького люда
Горел костер в лесу светло...
Так жили, жили мы,
Покуда
Вдруг отрочество не пришло.

Мы стали хмуры, неуклюжи...
О возрастная полоса,
Когда затвердевали души,
Когда ломались голоса!..

Ходили, широко шагая,
Пух появился над губой...

Но это уж пора другая,
А значит, разговор другой!

1956

**МОЯ ЛЮБИМАЯ
СТИРАЛА**

Моя любимая стирала.
Ходили плечи у нее.
Худые руки простирала,
Сырое вешая белье.

Искала крохотный обмылок,
А он был у нее в руках.
Как жалок был ее затылок
В смешных и нежных завитках!

Моя любимая стирала.
Чтоб пеной лба не замарать,
Неловко, локтем, убирала
На лоб спустившуюся прядь.

То плечи опустив,
 родная,
Смотрела в забытьи в окно,
То пела тоненько, не зная,
Что я слежу за ней давно.

Заката древние красоты
Стояли в глубине окна.
От мыла, щелока и соды
В досаде шурилась она.

Прекрасней нет на целом свете —
Все города пройди подряд! —
Чем руки худенькие эти,
Чем этот грустный, грустный взгляд.

1957

ПЕЩЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК УЧИЛСЯ РИСОВАТЬ

Пещерный человек учился рисовать.
Не находя в изяществе резона,
Тяжелым камнем начал выбивать
Фигуру угловатого бизона.

Случайный шаг! Опасная стезя!..
Он кончил, и впервые с сотворенья
Из глаз звериных длинная слеза
Устало потекла —
от умиленья.

И, страшной тайной творчества влеком,
Он чувствовал — назад уж нет возврата,
Когда он первобытным кулаком
Стирал слезу светло и виновато.
Косматый, дикий, шкура за спиной,
Лицо разодрала ему гримаса!..
Он радости был полон неземной,
Что слаще меда и сытнее мяса.

1957

ОСНОВА

Всей перешедшей по наследству
плотью,
Всем обликом,
которым дорожу,
К широкому в плечах простонародью
Я от рождения принадлежу.

К тому, что под гармонику вопило,
Что, лузгая подсолнух на ходу,
Блестящие проспекты затопило
Сермягами в семнадцатом году.

Наследственности сложного вопроса
Не подыму,
а лишь коснусь слегка.
Моя родня отчаянно курноса
И в скулах непомерно широка.

Я от земли ушел бесповоротно,
Сапог не шить и не скорняжить мне.
И все ж моя душа простонародна
В своей основе, в самой глубине.

Я не желаю ничего иного,
И я живу, уверенность храня:
Здорова и сильна моя основа,
В тяжелый час она спасет меня.

1957

ОГОНЬ

Когда-то в детстве я читал про это,
И мысль тревожит до сих пор меня,
Что родилась из пламени планета,
Что мир возник однажды из огня.

И страшно мне становится порою,
Лишь только я представлю, что сейчас,
Вот здесь, под нами,
 под земной корою,
С дней первозданья пламень не погас.

Бывало:

 ветки наломай сухие,
Ударь кресалом и полой накрой —
И вот клочочек мировой стихии
Затеплится средь полночи сырой.

Среди январской темноты военной,
В унылую метель и гололедь,
Он, тайна тайны,
 из глубин вселенной
Возникнет, чтоб ладони отогреть.

Он скрыт во всем,
Ему лишь дай пробиться!
От лет древнейших
И по наши дни
Огонь в сердцах пророков и
 провидцев
Огню тому вселенскому сродни.

1957

ВАГОН В 1918 ГОДУ

Казалось, |
 | лишь представься случай —
И в щепки разлетится он, —
Трещал певучий и скрипучий,
Вконец раздерганный вагон.

И средь толчков вагонных резких
Ворчащий проводник пронес
Фонарь над водорослями женских
Тяжелых спутанных волос.

Ругался кто-то:
 | — Тише, леший! —
Солдат храпел впервые всласть,
Измученный, переболевший
И возвращающийся в часть.

Вверху шептались воровато
Мешочники, |
 | и из мешка
На спину серую солдата
Бежала струйкою мука.

И в густоте махры и храпа
Дремал мужчина средних лет;
Крылатка, бант, пенсне и шляпа,—
Столичный, видимо, поэт.

Потряхивая пышной гривой,
Он чутко вздрагивал во сне,
Холодной бабочкой пугливой
Дрожало хрупкое пенсне.

Вагон качался монотонно.
Мужчина шамкал пухлым ртом,
В руках был номер «Аполлона»
И тонкий Анненского том.

Солдат храпел, худой на диво,
Усталый, желтый, чуть живой,
Поникнув бритой после тифа
Остроугольной головой.

То был отец мой!
Он был молод,
Он фантастичный видел сон:
Весь голубой, стеклянный город
И небо будущих времен.

Его куда-то уносило,
Во глубь неслыханной новы́...

И мчалась за окном Россия
В слезах, пожарах и крови.

1957

НИЩИЕ РЕВОЛЮЦИИ

Под дождиком, на мокрых плитах,
Пестра, от голода тупа,
Печальных нищих родовитых
Переминалася толпа.
У величавого портала,
Меж облупившихся колонн,
Графиня робко продавала
Свой институтский медальон.
И, в грудь себя рукою бивший,
Со шляпою в другой руке,
Морщинистый сановник бывший
Пел на французском языке.
Сутулый и седой священник
Меж двух гранитных львов, в углу,
Чтоб раздобыть немножко денег,
Хватал прохожих за полу.
Чего желать им в доле низкой,
Прося на хлеб и на ночлег?..

Конец!

Империи российской
Разбился вдребезги ковчег.

1957

К Р О В Ъ

В этой жидкости красной,
Что в жилах несет человек,
Нрав такой же опасный,
Как нрав у порожистых рек.

То течет понемногу,—
Тогда это, впрочем, не в счет,—
То, взрывая дорогу,
Могучие камни влечет.

Слышу я, засыпая,
Как точно стучит под виском,
Бродит жидкость слепая,
Скитается в теле людском.

Оцарапай —
и выйдет,
Чуть-чуть вязковата, тепла.
В ней и в лупу увидеть
Нельзя ни добра и ни зла.

Власть имеет такую:
На сердце нежданно плеснет —
И подросток, ликуя,
На страшный идет эшафот!

Не она ли бросала
Любовников бедных со скал?
Не она ли спасала
Лодчонку, попавшую в шквал?

И совсем не водою,
А с давних времен до сих пор
Только ею одною
Смывается черный позор.

Жидкость бродит по трассам,
Подземною силой сильна.
То, что вытерпит разум,
Не стерпит, пылая, она.

Слышу я, замирая,
По долгим ночам, в тишине,
В край угрюмо из края
Она где-то бродит во мне.

Кто с ней, буйною, сладит?
Кутил, бунтовал и страдал
Отдаленный мой прадед,
Он мне свою кровь передал.

* * *

Прозванье
Дала себе
Каждая нация
В согласии с главной
Чертой:
Англия — доброй,
Прекрасною — Франция,
А Русь называлась
Святой...

1957

А К Ы Н Ы

1

О, как мудры акыны и наивны!..
Степенные уселись гости в ряд.
На девочке горят, как солнце, гривны,
На аксакале — дорогой наряд.

А сам акын беспечно заголяет
На пиршествах засаленный рукав.
И, распаясь, по струнам ударяет,
Как голубь чист и как змея лукав.

2

Нет никого загадочней акынов!..
Поев солидно,
Прислонясь к ковру
И сытым взглядом родичей окинув,
Он начинал настраивать домбру.

И с алых губ, лоснящихся от сала,
Под небо песнь печальная летит!..
Тоскуя, пряжу женщина бросала,
Уныло щеку подпирал джигит.

Закат вдали,
За юртой, догорает..
Но звук высокий оборвался вдруг,
И лирик пот с мясистых щек стирает,
И плачут все сидящие вокруг.

3

Легки акыны в этой жизни краткой!..
До света, чтоб не разбудить родню,
Из юрты женской он идет украдкой
К привязанному с вечера коню.

Ширь оглядев от края и до края,
Он запоеет,

пустив коня в намет.

И так он скачет степью, собирая
Яд красоты и размышлений мед.

1957

Д Я Д Я

Мой дядя в двадцать пятом
Командовал полком.
Он был крутым солдатом,
Прямым большевиком.

И, от природы добрый
И вовсе не герой,
Питался чаем с воблой,
Жил в комнате сырой.

Он полной мерой мерил
Поступки и слова.
Он свято в дело верил,
Как верят в дважды два.

Сказал он зло и четко
Однажды в Новый год,
Что здесь преступна водка,
Коль голоден народ.

Он пробегал сурово
С утра столбцы газет,—
Пожара мирового
Все что-то нет и нет.

Он вечно жил, готовясь
К тому, что впереди,
Торжественная совесть
Жила в его груди.

...Высокий шлем, и шрама
Над бровью полоса...
Он смотрит зло и прямо
С портрета мне в глаза.

1957

* * *

В гаме и в угаре
Я к лицу лицом
Повстречался в баре
Как-то с подлецом.
Вилкой он поправил
В блюдце огурец.
Он себя представил
Сдержанно:

— Подлец. —

Заказал пол-литра,
Хмурый, испитой.
Он поставил хитро
Палец запятой.
Я сидел обедал.
Я спешил тогда.
Друга, что ль, он предал
В давние года?
Тут не без причины, —
Вспомнились дела!
Капля вдоль морщины
Мутная текла.
Рвать хотел рубаху.
Плакался баском.

Бил подлец с размаху
Об стол кулаком.
Встал я, расплатился...
Дикий и хмельной
Облик растворился
В облаках пивной.

1957

* * *

На чердаках и в полутьме подвалов,
В кухмистерских, где толчея и чад,
Исполнены высоких идеалов,
Мальчишки о России говорят.

О мальчики российские!

Не вы ли
Мир потрясли когда-то в десять дней,
Комдивами садясь в автомобили,
Комбригами влезая на коней...

Да, так же, как за книжками в
подвале,
На сходке иль в студенческой норе,
Они исканье правды продолжали
Под знаменем и с шашкой на бедре.

Шли на врага с тяжелыми полками,
Когда весь край мятущийся горел...
Попавши в плен, не заслонясь руками,
Спокойно выходили на расстрел.

В тяжелый час их укрепляла вера.
Сняв шлемы,
 белокуры и чисты,
Они стояли,
 в дуло револьвера
Смотря глазами,
 полными мечты.

1957

СОВЕСТЬ

Можно жить безмятежно, условясь
Зло считать для удобства добром,
Но что делать тому,

чья совесть

Все нежданно поставит ребром?
Что тут делать, когда в человеке
О приходе своем возвестит,
Пусть случайно, пусть в кои-то веки,
Словно трубы архангелов,
стыд?

Стыд людской —

бог жестокий,

старинный!

Через рощи, скрывая кинжал,
Он в одеждах безумных Эриний
За мятущейся жертвой бежал.
И хоть годы летели, он все же
Человека врасплох настигал —
Среди битвы,

с любимой на ложе,

На пиру поднимавшим бокал.

Я не ведаю большего чуда!
Совесьть наша доньне темна.
Я не знаю, откуда, откуда
В человеке возникла она.
Совесьть — миру навеки награда.
Вечно жить ей — глуши не глуши.

Удивляться не низости надо,
А безмерным высотам души!

1957

ОРКЕСТР

Копну могучей шевелюры
На струны скрипки уронив,
Скрипач пилил из увертюры
Какой-то сбивчивый мотив.

Флейтист был робок.

Словно флягу,
Поднявши флейту в вышину,
Как в зной по капле cedят влагу,
Он ноту пробовал одну.

Но, вскинув пару тощих прядок,
Встал дирижер и подал знак,
И тотчас же обрел порядок
Оркестра шумный бивуак.

В молчании пред дирижером
Оркестр в колонне по пяти
Застыл,
 готовый по просторам
На смерть и подвиги идти.

И вздрогнул мир, и пали стены,
И даль темна и глубока,
И свет пожаров вместо сцены,
И звезды вместо потолка.

1957

* * *

У дороги березы стеною,
Беспокойны, легки и чисты.
Посадили их люди весною
От великой своей доброты.
Я не ведаю, кто эти люди,
Где их дом, где родные места,
Только жизнь у них так же пусть будет
Беспокойна, легка и чиста.

1957

МНЕ КАЖЕТСЯ, ЧТО Я СТАРЕЮ

Мне кажется, что я старею,
И в пестроте летящих дней —
Нет, я не делаюсь мудрее,
А сдержанней и холодней.
Да, так. Я не хочу обмана,
Я в страхе пред своей судьбой.
О юность!

Коль холодным стану,
Чем оправдаюсь пред тобой?
Иль, может быть, когда остыну,
То, призван к твоему суду,
Найду серьезную причину
И веский довод приведу?!
Но много ль в оправданьях проку
Для тех, кто потеряет вас —
И сердце,
 бьющее тревогу,
И слезы,
 вставшие у глаз!

1957

ЖЕНЩИНЫ

Я грущу.
Я измучен жаждой.
Я извелся, грустя, любя.
В каждой девочке, в женщине
каждой,
В каждой что-то есть от тебя.

Я их, грустных, не в силах видеть,
Их смятенья,
их скорбных поз.
Их же так ведь легко обидеть,
Так легко огорчить до слез!

Сокровенным с тобой,
глубинным
Чем-то связаны все они,
Чем-то жалостным, голубиным,
Чем-то тайным тебе сродни.
Вот вчера одна торопилась,
Плача,
пуговицу теребя...
Сердце кровью мое облилось,
Как подумал я про тебя!

1957

* * *

Когда мне будет плохо,
Очень плохо,
Когда придут плохие времена,
Дай слово мне:
Ни стона и ни вздоха,
Что б ни было —
Ты плакать не должна!
Я все сумею вынести,
Лишь выстой
В те дни сама,
Спокойствие храня.
Одной лишь я страшусь,
Родной и чистой,
Слезы твоей.
Она убьет меня.

1957

* * *

Рассудку вопреки,
Я верю, верю, верю,
Хоть знаю, что не быть
Уж этому,— и все ж!
Промчится много лет,
Однажды скрипнут двери,
И сзади, не дыша,
Ты мне глаза зажмешь...

1957

* * *

Когда умру, то в стол ко мне
Ты молча загляни.
Там все, чем я наедине
Жил в прожитые дни.
Истлеет плоть, что путь прошла
Дождей и голодух,
Но где-то в глубине стола
Живым мой будет дух.
Листок бумаги —

он молчит,

Лиловый от чернил.
Достань его — и закричит
Он вдруг что было сил.
И если хочешь — разорви
Иль отошли в журнал,
Но он заплачет по любви,
Которую не знал.

1957

* * *

В сапогах огромного размера,
Я вошел на цыпочках в музей...
Грозная Милосская Венера
Поднялась в беспомощности всей.

...Я прошел немало верст в
пехоте,
Путь был труден.
Боже упаси!
Грязь такая осенью — шагнете,
И сапог останется в грязи.

Девушки лукавы и румяны
В госпиталях были тыловых,
Тонкие и сложные романы
Заводил я с многими из них.

У меня неловкая манера —
Я гашу сигарку о каблук...
Ты стоишь, высокая Венера,
Выше моих радостей и мук:

«Вот я вся —
 что значу и что стою,
Вот я вся —
 как будто ото сна,
Страшная своею простотою,
Как волна,
 легко вознесена».

1957

М О Р Е

Я, море, полюбил тебя, быть может,
За то, что дна не ощущаешь ты,
За то, что беспокойство тебя гложет,
Но нет в тебе постыдной суеты!
Ты тяжкую повинность отбываешь:
Под звездной неподвижной вышиной
Как в колокол ты время отбиваешь,
Гоня волну на берег за волной.
...Глотнешь воды — какая горечь,
право!

Но все же я тебя не прокляну,
Хоть ты сплошная острая отравка
На сотни верст в длину и глубину.
А пресность что! И в ней не много
прока!

Вода сквозь пальцы, словно в решето...
Я не дитя. Не все, что горько,— плохо,
Как и не все, что сладко,— хорошо!
Ведь это ты
моей любимой тело

В дни юности, пятнадцать лет назад,
Одним рывком, легко в наряд одело,

Что был прозрачен и зеленоват.
...И пусть она позднее обманула,
Ее давно забыл я

навсегда.

Но не уйти мне от морского гула
И от счастливой сини никуда!

1957

ДВА ЛИЦА

Мы встречались совсем немного.
Помню дом ее в центре Москвы.
Губы бантиком — недотрога!
Косы грузные вокруг головы.
Строгой-строгой была,
непреклонной,

Но прислушивалась к звонку
И о тонкий ледок оконный
Остужала тайком щеку.
Я звонил ей.

Под снегопадом
Мы ходили с ней на каток.
Мелким шагом я шел с ней рядом,
Чуть придерживая за локоток.
Как светла голубая арена!
Разноцветные огоньки.
У скамейки, встав на колено,
Зашнуровывал ей коньки.
Кротко чистил ей мандарины,
И снежинки,
летя с небес,
Словно крошечные балерины,

Танцевали нам полонез...
Это первая,
 а вторая
По-другому была горда.
Над снегами переднего края
Ржавой проволоки три ряда.
Поднималась звезда над снегами,
Над погибшим на днях полком...
Торопливо гремя сапогами,
Прибежала ко мне тайком.
И сама дивилась поступку,
И смеялась, попавшая в плен.
По-солдатски короткую юбку
Все дотягивала до колен.
Словно вспугнутые погоней,
Колотились наши сердца
От нашедших друг друга ладоней,
От нелегкого спирта-сырца.
Словом ласковым не называя,
Говорила мне грубо: «Мой!»
Укрывала нас ночь фронтовая,
Как шинелью, свою тьмой.
Фронтowych бездорожий буйность,
Над катком голубая пыльца...
Словно детство и словно юность --
Эти два молодые лица.

1957

* * *

Нам имена их вспомнятся едва ли...
Обняв девчонок, мы в полночный час
Истории такие заливали,
Каких нам и не выдумать сейчас!

Луна, теплынь, никто нас не торопит.
Молокососы и говоруны,
Мы рассуждали, что имеем опыт,
Что в хитростях любви умудрены.

И нас любили, но любовь простая
Тех девочек
 совсем не шла в расчет.
Смеялись мы, надменные, считая:
Любовь еще бессмертная придет!

Шли годы.

 Мы немало повидали.
Нам горько, что в оставшихся вдали,
В тех девочках тогда не угадали
Того, чего мы так и не нашли.

1957

ХОЧЕТ ЖЕНЩИНА БЫТЬ КРАСИВОЙ

Хочет женщина быть красивой,
С гордо поднятой головой,
Хохотуньей,
а не плаксивой,
Быть любимой,
а не вдовой.

Чтобы перстень шел к ожерелью,
Чтобы нравиться без труда.
Только в жизни так, к сожаленью,
Получается не всегда.
И бывает,
что вместо бала,

Гордых взоров и жарких щек
Дождь стучится да в полнакала
Тлеет маленький ночничок.
Жизнь не склеивается, как надо,
Не ищи тут ничьей вины,—
От разлуки и от разлада,
От несчастья и от войны.
Громких подвигов не седея,
В жертву отданные мелочам,
Одиноко живут, седея,

Шорох слушая по ночам.
...Только в жажде неистребимой,
Что не вытравить, не убить,
Хочет женщина быть любимой,
Плакать, радоваться
и любить.

1957

* * *

Нет, эти босиком не выбегали
К любимому, в морозы, на крыльцо
И серной кислотой не выжигали
Соперницы проклятое лицо.

В них пыл не тот,
У них спокойней норов.
Любовь не принимается всерьез.
Сдаются без особых разговоров
И утром просыпаются без слез.

И вспоминают молодость, старея:
Апрель. Луна. Холодный блеск реки.
За пазухой у них ладони грея,
Зевают их случайные дружки.

1957

* * *

— Любовь, любовь! — мне с детских лет
твердили,
Как будто сговорившись заодно,
Трагедии, поэмы, водевили,
Симфонии, романы и кино.
И, рот открыв, интригою волнуем,
Я обмирал, и я слезу роюял
Пред первой встречей и пред поцелуем,
Обозначавшим радостный финал.
Но не в поэмах и не на подмостках —
Лишь только в жизни сделал первый шаг,
Я встретил ту любовь на перекрестках,
В каморках, общежитьях, блиндажах.
Не в пенье скрипок и не в озаренье
Я знал любовь в те давние года,—
И без любви любовь, и без сирени,
Как мутная болотная вода.
— Нет,— отвечал я,— нет, я протестую!
Что б ни было — на все один ответ...
В любовь я верил светлую, святую,
Конца которой не было и нет.

1957

СТАРИКИ

«Командир батареи» —
Звался я.

Воротник
На мальчишеской шее
Был безмерно велик.
Командира солдаты
За спиною тайком,
Седоваты, усаты,
Называли — сынком.
Не чета ни придирам,
Ни льстецам-добрякам,
Был отцом-командиром
Я своим старикам.
Я бранил их, коль были
Ноги мокры у них.
Письма им из Сибири
Я читал, от родных.
Как посмотришь,
пожалуй,Несерьезная рать!

Да, и старый и малый
Шли на фронт умирать...

1957

Сосед мой, густо щи наперчив,
Сказал,
 взяв стопку со стола:
— Ты, друг, наивен и доверчив.
Жизнь твоя будет тяжела.

Но не была мне жизнь тяжелой.
Мне жребий выдался иной:
Едва расстался я со школой,
Я тотчас принят был войной.

И в грохоте, способном вытрясть
Из тела душу,
 на войне,
Была совсем ненужной хитрость,
Была доверчивость в цене.

Я ел — и хлеб казался сладок,
Был прост — и ротой был любим,
И оказался недостаток
Большим достоинством моим.

1957

ПАМЯТЬ

Мне сохранить
Смогла судьба
От дней далеких браней
Пороховые погреба
Моих воспоминаний.
Живу в покойном забытьи,
Но огонек запала
Лишь только стоит
Поднести —
И все тогда
Пропало.

1957

* * *

Упаду,
И никто не заметит на свете.
Был обычен мой путь,
Трудноват и недолог.
Только, может, когда-нибудь,
Через столетья,
Откопает меня из земли
Археолог.

И в музее,
Где древние торсы и вазы,
Сдунув пыль,
Аккуратно разложит на полки
Пару пуговиц медных,
Портсигар из пластмассы
И истлевшие клочья
Моей гимнастерки.

Лектор скажет:
— Он полон был честной отваги.
Победитель! — народы его называли.
Он лежал без сознания

* * *

Я словом правда
Не бросался,
Я слово то держал
В чести,
Я слово это
Опасался
Средь суеты произнести.

И, в правду верующий
Свято,
Совсем не верил
В силу зла...
Но женщина одна
Когда-то
Мне в молодости
Солгала.

Она лгала легко
И гладко.
И я б поверил ей
Вполне,
Но, словно смутный сон,

Догадка
Тоскливо брезжила
Во мне.

Я робок был,
И слаб,
И молод,
Я брел ночами
Сквозь туман.
Весь в башнях,
Шпилях,
Трубах,
Город
Был как чудовищный
Обман.

Я брел в ботинках
Неуклюжих,
Брел, сам с собою
Говоря,
И лживо отражалась
В лужах
Насквозь фальшивая
Заря.

1957

* * *

Если в поле иль на перевале
Раненный смертельно упаду,
Чтоб немедля милую позвали,
Попрошу я при смерти в бреду.
Встанет сад,
Гестреющий гвоздикой.
Дачный полдень. Чистый небосвод.
Девочка в переднике и с книгой —
Первая любовь моя придет.
— Нет,— скажу,—
У милой злее речи,
Дерзче взгляд;
Платок сорви рукой! —
Волосы вдруг выльются на плечи
Рыжею свободною рекой...
Прошепчу:
— Прощаю все, что было;
Что там помнить,— минули года! —
Что ушла, забыла, разлюбила;
Дай с тобой простимся навсегда!

1957

11*

163

* * *

Двадцатый век!..
Горят глаза тупые.
Орущий рот
И вымокшая прядь.
Он отравился...
В поездах слепые
Его не скоро
Кончат проklinать!

Двадцатый век.
Протянутые горсти
Сирот,
Глотавших горькую слюну.
Вон — рвы и рвы.
Там черепа и кости
На двадцать километров
В глубину.

Двадцатый век.
Бродивших по дорогам,
Среди пожаров,
К мысли привело:
Легко быть зверем

И легко быть богом,
Быть человеком —
Это тяжело.

Двадцатый век.
Боец багряным флагом,
Клубящимся
И рвущимся с древка,
Указывает,
Вставши над рейхстагом,
Что путь вперед
Свободен. На века.

1957

Г Л А З А

Взрыв — и наземь, навзничь,
Руки врозь, и
Он привстал на колено, губы грызя,
И размазал по лицу не слезы,
А вытекшие глаза.
Стало страшно!
Согнувшийся вполовину,
Я его взвалил на бок.
Я его, выпачканного в глине,
До деревни едва доволол.
Он в санбате кричал сестричке:
— Больно! Хватит бинты крутить! —
Я ему, умирающему,
По привычке
Оставил докурить.
А когда, увозя его, колеса заныли
Пронзительно, на все голоса,
Я вдруг вспомнил впервые, что у друга были
Голубые глаза.

1957

НАРЫ

О нары, царственное ложе!
Здесь можно выспаться в тепле,
И жестко спать, да лучше все же,
Чем просто на сырой земле.

Здесь ночью, завалившись скопом,
Храпела с вывертом братва,
Как подобает землекопам —
Не раскатавши рукава.
Здесь, бредя, издавали стоны,
Болтали явственно вполне,
Причмокивали, как сластены,
И даже плакали во сне.

А то как вдруг хвороба злая
Возьмет —
 не крикнешь «Замолчи!»
И, кашляя, как будто лая,
Зайдется кто-нибудь в ночи.

Здесь с терпеливостью похвальной,
Лишенный сладостного сна,
Над печкой скрюченный дневальный
Сушил портянки докрасна.

Здесь заспанные, вроде пугал,
Друзья вставали, как с одра,
И шлепали босыми в угол,
Чтобы напиться из ведра.

Здесь трудно повернуться боком —
Еловый суковат настил...
Здесь о прекрасном и высоком
Я, прежде чем уснуть, грустил.

1957

НА ПЛАТФОРМЕ

Я мчался сквозь поля,
Накрывшись плащ-палаткой,
На черной от угля,
Пустой платформе шаткой.

В кармане был моем
Подержанный бумажник,
И было много в нем
Различных справок важных:

Что я, мол, отпускник,
Что еду на поправку,
В Ельце санпропускник
И тот мне выдал справку.

Я к доскам примерзал
И, скорчившись от стужи,
На станциях слезал,
Тер рукавами уши.

Я в кулаки трубил,
Замерзшие в дороге,
Чечетку дробно бил,
Чтоб отогрелись ноги.

Где шумно толковал
С безруким инвалидом,
Где пацанам давал
Махорку с грозным видом,

Где с девками шутил,
Пилотку сдвинув набок,
Где простоквашу пил
У жалостливых бабок.

Я мчал сквозь города,
Предместья прорывая,
Неслась домов гряда.
Сады. И лязг трамвая.

Я мчал во тьме ночной,
Отсчитывая версты.
Победно надо мной
Ночь зажигала звезды.

Я пел! Бил ветер в грудь.
Дорогой снеговою
Великий Млечный Путь
Стоял над головою.

Я мчал, и снежный наст
Белел за черным мраком,—
То вдруг снежком обдаст,
То вдруг мельчайшим шлаком.

На фронте за спиной
Орудия базили.
Вдали передо мной
Лежал простор России:

С соломой куреня,
С дымочком хлебным кислым,
С бабенкой у плетня
В платке и с коромыслом,

С грачиною возней,
В лесных рассветах хрупких,
С визгливой ребятней
В отцовских полушубках,

С затейливым леском,
Притертым к страшным домам,
С дощечкою: «Райком»
Над красным домом скромным.

Меня в простор, звеня,
Платформа уносила...
Летела на меня
Огромная Россия.

Ее безвестный сын,
Под ветром леденя,
Один был на один
Я целый месяц с нею.

1957

НЕЗАБУДКИ

В шинельке драной,
Без обуви
Я помню в поле мертвеца.
Толпа кровавых незабудок
Стояла около лица.

Мертвец лежал недвижно,
Глядя,
Как медлил коршун вдалеке.
И было выколото

«Надя»
На обескровленной руке...

1957

ЛИЦО
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

ВДОХНОВЕНЬЕ

Я слово вдохновенье не отдам...
Пусть ретроградом прослыву за
это.

Его прочел я в детстве по складам
В помятой книге древнего поэта.
...Пророк в сердцах, как искру
выкресал

Из камня воду.

Кутаясь в овчину,
Вздыхал он руки к небу.
Сотрясал

Припадок вдохновения мужчину.
Быть вдохновенным — то мужской
удел.

Не выйдет прорицателя из труса.
Одним рывком подняться за предел
Рассудочности,
встать над гранью вкуса!

Эй, смельчаки, а ну-ка, кто из вас,
О всем забыв — о собственной
особе! —

Так воспарит —
и слезы чтоб из глаз,
И чтоб, как током, затрясло
в ознобе!
...Мне не дана рассудочности власть,
Сквозь жизнь мою меня несет кривая.
И я хотел бы жить, и я хотел бы пасть,
Бездумные глаза на вечность подымая.

1960

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Сколько прелести есть
В человеческих лицах!
Все смотрел бы на них
И смотрел без конца.
Но в глухих городишках
И в громких столицах
Вдруг на улице встретишь
Лицо подлеца.
Отвращенье и ужас
Почти не скрывая,
Отшатнешься,
Стараясь с дороги свернуть.
Но запомнишь навеки:
Ухмылка кривая
И глаза, разбегающиеся, как ртуть.
...Берегите
Лицо человеческое!
Храните
Очи добрые и горделивые рты.

Словно с озера,
С глади лица не спугните
Выражение ясности
И чистоты!

1957

С Н Ы

Различных снов я в жизни видел
много.

Мне были сны нелегкие даны.
В набат полнощный бьющая тревога
Огнем мои окрашивала сны.

И были кратки сны мои, как порох,
И были длинны, словно канитель.
Я видел сны такие, от которых
Я в ужасе садился на постель.

И я кричал во сне,— меня будили.
Я засыпал и вновь кричал, больной.
А были сны, что тихие сходили,
Как на цветы роса нисходит в зной.

Веселый сон веселым сном сменялся,
Напоминая легкую игру.
Мне говорили: — Ты во сне смеялся! —
Я ж ничего не помнил поутру.

И женщину я видел: в покрывало
Закуталась, улыбкою маня.
И руки я тянул, и уплывала
Та женщина навеки от меня

Как карточки подмокшие туманны.
Как фильмы довоенные темны...
Я сны не осуждаю за обманы,—
За что винить? На то они и сны!

1958

ЛОШАДЬ

Ракета,
атмосферу прорывая,
Уйдет туда, где теплится звезда...
А ты, о лошадь, ты, душа живая,
В наш сложный век исчезнешь без
следа.

Ты шла, влача громоздкость катафалка,
Ты в бой летела, яростно трубя,
Ты ковыляла пахотой.

Мне жалко,

Печальное животное, тебя:
Ты на дыбы не встанешь средь базара
Перед цыганом, глаз скосив со зла,
Губой не тронешь мертвого гусара,
В траву густую павшего с седла...
Наделена и жалостью и злобой,
Была ты и надменна и кротка,
Тряслась под коронованной особой
И под тщедушным телом бедняка.
Но пробил час, и ты уходишь, лошадь,
Назад куда-то, в средние века.
А я б хотел вожжами огорозить

С ямщицкою тоской коренника!..
Еще ты попадаешься покуда.
Почесываясь хмуро о забор,
Копыта врозь, стоит смешное чудо,
Но вынесен суровый приговор.

1958

ПИРЫ

И я люблю пиры!..

В сердцах ликуя,
Тот рог подьемлет, выводя напев,
А тот, глядишь, мечтая и тоскуя,
Сидит, щеку рукою подперев.

...Своей хранимый робкою звездой,
Я не люблю задач не по плечу.
Я знаю, что не быть мне тамадой:
Я встану, покраснею и молчу.

А тамада — он щедр и смел,
и крúгом
Идет сго от власти голова.
Награды раздает не по заслугам,
А сверх заслуг:
он получил права!

Он — раб минуты,
он — дитя причуды.
Швыряет он в притихшие столы
Рубины лести, славы изумруды,
Алмазы званий, жемчуг похвалы,

Неистошимый,
 он имеет опыт.
В нем все черты застольного вождя:
То он нисходит на зловещий шепот,
То мечет громы, дремлющих будя.

Он здравицы плетет,
 горластый гений.
Волнует души, путает умы.
В лукавый плен его хитросплетений
Легко, как мухи, попадаем мы.

...Да, я люблю пиры.
 С тяжелым рогом
Люблю я, дверь устало отворя,
Встать тихо и смотреть, как за
 порогом
Белея, поднимается заря.

1959

КУЗНЕЦ

Могучий малый в майке...

Хмуро

Взяв молот, поднял две руки,
И в ход пошла мускулатура,
Как поршни и маховики.
Со страхом мы взираем немо
На жилы напряженных рук,
Но мышц железная система
Под мокрой майкой встала вдруг.
А молот, что над головою
Застыл,

обрушился, да так,

Что словно вспышкой грозовою
Оглохший пронизало мрак.
...К ведру побрел вразвалку.

В саже,

Небритый, отпил полковша,
Ни разу не взглянувши даже
На нас,

застывших не дыща...

1959

* * *

О состраданье! Нет грознее силы
И силы беспощадней, чем народ,
Познавший жалость! Он хватает вилы —
Спасать несчастных!

Он топор берет.

Кто жалости мучительный напиток
Хотя бы раз испил — уже тому
Не страшно откровенье страшных пыток.
На каторгу пойдет,
пойдет в тюрьму.

«Авроры» залп!

Встают с дрекольем села.
Но это ж началось в минуту ту,
Когда Радищев обшлагом камзола
Утер слезу,
увидев сироту.

1959

БАЛЫ

Балы! От шпор до штукатурки,
От люстр до коков — все дрожит...
Вон — Пестель, он летит в мазурке!
Вон — с дамой Батюшков кружит!
Трещат вощеные паркеты.
Солдаты дуют, молодцы!
Кружат
 сановники, поэты,
Тираноборцы,
 мудрецы.

Стихи — в альбомах женщин милых!
Трактаты — в дружеском письме!..
Как все легко!
Мазурка в жилах,
В душе мазурка
И в уме.

Всего каких-то полтора ста
Иль двести продержалось лет...
О мир танцующий дворянства,
Тебя уже в помине нет!

Твои подметки отстучали!..
Ты так был яростно спалён,
Что средь псковских болот торчали
Лишь камни эллинских колонн.

Не здесь ли тот писал когда-то,
Что был лишь истиной влеком,
В шелку тяжелого халата,
Дымя янтарным чубуком?
А ведь от вольтерьянских максим
Не так уж долог путь к тому,
Чтоб пулемет системы «максим»
С тачанки полоснул во тьму...

1959

* * *

Не жалуясь: и я имел друзей!..
У жизни так разнообразны грани:
С одним идешь на бокс, с другим — в музей,
А с тем — сидишь за рюмкой в ресторане.
Мои друзья! Да это ж, право, рать!
Как мы шумели — были помоложе.
Не то чтоб за меня пошли бы умирать,
Но, если надо, поддержали б все же...
О понимание! За нитью рвется нить.
А с новыми идешь на дружбу туго...
До старости когда б мне сохранить
Пусть одного, хотя б для шашек, друга.

1959

* * *

Я знаю жизнь. Ее я изучал,
Сжав крепко зубы. Горькая отрада —
Познать ее! Начало всех начал —
Жестокий опыт. Нет дороже клада,
Чем знанье жизни. Прежде по

складам

Ее с трудом читал я, обалдело
Наморщив лоб. Сейчас я преподам —
Хотите — курс ее! Я знаю дело.
Я знаю жизнь. Но сыну моему,
Увы, не надо знания отцова.
Ему мой тяжкий опыт ни к чему.
Сжав зубы,

сам

он все добудет снова.

1959

ПОЛМИНУТЫ

Ты печальной вошла, озабоченной...
Не спугни — он так робок и тих,
Где-то в сердце еще не оконченный
И еще мной не начатый стих.
Будто мокрую вижу дорогу я,
Будто — зори, березы, дожди...
Подожди, я прошу тебя, строгая,
Полминуты еще подожди!

1959

* * *

Художник на подносе розы
Пестро размалевал,
и вот
Мы, благодушны и тверёзы,
Пьем чай и отираем пот.

И ртами, полными варенья,
Мы обсуждаем прелесть роз,
Плодами чистого паренья
Мы восторгаемся до слез.

Мы сердцем тянемся к искусству,
Но розы той величины,
Что смахивают на капусту,
Бутоны — словно кочаны.

Запечатлела кисть артиста
Здоровые земные сны:
Вот розы, нежны и мясисты
И, словно овощи, сочны.

1959

* * *

Так и живи, как прежде!

За «Вечёркой»

Стой смирно. Слушай важно к вечеру,
Как сипловатую скороговоркой
Синявский комментирует игру.
Пей стопку под салат!

На всякий случай

Осклабясь,

слушай длинный анекдот...

Да как же так? А где ж твой дух могучий?
А где же смертный труженика пот
На лбу твоём, на лбу, где, как короста,
Раздумья борозды?

Твой крепкий лоб умен

И горькою печатью благородства
Как бы клеймом навеки заклеямен...
А ну, воспрянь!

Гони, как злую муху,

Жужжащий быт. Будь счастлив, как дитя!
Наморщ же лоб, ценя лишь только муку,
Все остальное низменным почтя...

1959

МАРС

Ты когда-то учил меня
Марс находить на небе.
Ты давал подержать на ладони
Пистолет «ТТ»...
Я почти забыл тебя.
Только помню кавалерийскую шинель
Да зубчатые, как будто бы
из часового механизма,
Колесики шпор.
Я благодарен тебе.

Но почему я полюбил арбатские
переулки,

Где на особнячках
С колоннами, в тех местах,
Где отвалилась штукатурка,
Темнеет дранка,
Где, если заглянуть в окна,
Видны уголки багетов?
Большие куски штукатурки
Валялись на тротуаре,
И прохожие разносили

В самые дальние районы города
Следы.

Вздыхая,
Я ночами бродил по хорошо
промытой дождями

Москве

С тонкой тетрадкой,

Свернутой в трубку.

В ней были стихи.

За мной тянулись по всему городу
следы.

Я задумчиво упирал трубку в
подбородок,

Я дул в нее.

Я смотрел сквозь нее,

Как в подзорную трубу, на небо.

Я видел Марс.

Он был мне неинтересен.

1959

ОДИНОЧЕСТВО

«Не гоже человеку быть единому», --
Угрюмо изречение гласит.
Надену плащ и кепку зло надвину
И выйду.

Мелкий дождик моросит.
Да, правду книга древняя сказала!..
По черным лужам ухожу во тьму —
На шум трамвая и на свет вокзала,
Лишь только б не остаться одному.

1959

СИБИРСКИЕ ВАГОНЫ-РЕСТОРАНЫ

Сибирские вагоны-рестораны —
На тыщи верст рассчитанный уют!..
Здесь за графином раздирают раны
Сердечные,
 бранятся и поют.
Актер бровастый
 едет на гастроли,
Моряк
 спешит из отпуска назад.
За долгий путь сдружившись
 поневоле,
Сидят, касаясь лбами, взгляд во взгляд.
И все, что за полжизни наболело,
Все, что таили где-то в глубине,
В сердцах друг другу поверяют смело
Среди народа, как наедине.
Всю жизнь свою —
 женитьбы и разводы,
Печальные ошибки прежних дней.
...Потребность человеческой природы
В признаниях —
 стыдливости сильней!

* * *

Не мучимый ни болями, ни страхом,
Как воду в жажду, принимая смерть,
Я бы хотел могучим патриархом,
Насытись днями, важно умереть.
Я б только веки приспустил устало,
Исполнился бы вечной тишиной,
И в тот же миг вся б жизнь моя предстала,
Как молния сверкнувши предо мной.
Корявы были б высохшие руки,
А голова надменна и мудра.
Стареющие правнуки и внуки
Топтались бы у смертного одра.
И я хотел бы, чтоб сказали слово,
На лик мой глядя, белый словно мел,
Что круг существования земного
Я завершить с достоинством сумел.

1959

* * *

Весною новой новая трава
Не знает ничего о прошлогодней.
Ей память для чего? Она жива, —
Ей хорошо без прошлого, свободней.
А мне-то как: забрел в дремучий лес
Воспоминаний и не выйду к свету...
Мир прошлого! Да он давно исчез!
Его давно на самом деле нету!
Был, да пропал, подобно миражу.
Прошло с тех пор уж лет пятнадцать этак...
А я брожу в густом лесу, брожу
С рубцами на лице от бьющих веток.

1959

* * *

Как был уютен мир Эвклида!
Как был он ясен, прост и мал!..
Чертил учитель деловито
Фигуры,
Палец подымал.
Но истина в другом...

Мильоны
Мильонов светолет! Сложны
И перепутаны законы,
И все понятия смещены.
Все в мире можно, все обелим!..

Я ж верю, пусть идут года:
На этом свете параллелям
Не пересечься никогда.

1959

* * *

Когда мои друзья сойдутся за столом,
Внимаешь ты,
 пристроясь робко с края,
Беседам о грядущем, о былом,
О настоящем, —
 блюдца вытирая.
Они философы, мои друзья!
Подчас,
 когда, обрушась друг на друга,
Они кричат, сарказмами разя,
Ты в кулачок зевнешь,
 моя подруга.
И вижу я по выраженью глаз
И по улыбке, что скользнуть готова:
«Пускай кричат. Они уйдут сейчас,
И мы с тобою вместе будем снова».

1959

* * *

В парк с гитарой идем для форсу,
С белым воротом на пиджаке,
И впервые мы вместо морсу
Пиво спрашиваем в ларьке.
...Пена пышная прихотлива,
Но, как злая полынь, горька.
Желтоватую жижу пива
Цедим медленно у ларька
И не морщимся. Шоколада
Нам не требуется. Ерунда!
Дайте горечи! Вот что надо!
Детство кончено навсегда.
Детство кончено. Не пристало
Быть сладстенами. Нам нужна
Только горечь! И что б ни стало,
Только горечь. Она одна.

Мы идем. Пиджак нараспашку.
Мы идем...

Продает старик
«Мишку», сладкий миндаль, «Ромашку»,
Шоколад «Золотой ярлык».

1959

СЕРЕБРЯНЫЙ БОР

Когда мне вдруг захочется
Увидеть сразу весь мир —
Я закрываю глаза.

В детстве, наморщив лоб,
Я бродил по Серебряному бору.
Надо мной скрипящие сосны,
Раскачиваясь,
 с трудом,
Размещивали кронами белесоватое небо.
Я удивлялся, когда в ответ
На брошенный камень
В пруду раздавался всплеск.

О, великий закон, по которому
Следствие непременно
Вытекает из причины!
Я утвердился в нем
За несколько десятилетий
Своей жизни.

Я спокоен. Все правильно.
Цепь прочна.

Но почему, когда я
закрываю глаза,
Я вижу весь мир?

1959

* * *

— С боем вышли на берег Дуная!.. —
Поздней ночью идет разговор.
Над трубою луна ледяная,
На стекле ледяной узор.
А в полях до тех мест, где отроги
Дальних гор,
 до чужой стороны,
Под снегами лежат дороги,
Еще теплые от войны.

1959

ДЕМОН

И ничего во всей природе
Благословить он не хотел.

А. Пушкин

И у меня был демон.

Он нередко
Захаживал поспорить. Между тем
На своего прославленного предка
Не походил он обликом совсем.
Свернув сигарку, приклеив слюною
Газету,

он обиженно моргал.

Он фразою язвительной одною
Меня в смятенье тотчас повергал.
Он был на мир сердит.

Был зол и
едок.

Он сплевывал сквозь зубы и курил.
— Вот так-то, брат, — зловеще
напоследок,

Похлопав по плечу, он говорил.

Казалось, что не вынести разлада,
На мир поблекший не подымешь глаз.
И все ж в крови веселой капля яда
Бесследно растворялась всякий раз.

1959

* * *

Я верил в стройность мира!..

Исхудалым,

Порвав широкий ворот сгоряча,
Я пил сырец, закусывая салом
И голосом мальчишеским крича.
Все то, что я в душе лелеял свято,
Я, мыслью зачарованный одной,
Бросал в лицо багровое комбата,
Расставившего локти предо мной.
Он криво усмехался мне сначала,
Но захрапел. Я позабыл о нем...

И пиршество ночное освещала
Коптилка затухающим огнем.

1959

* * *

Есть люди. Не тщеславны по природе.
Их идеал, признаться, не высок:
На даче покопаться в огороде,
Да стопку тяпнуть, да всхрапнуть часок...

А есть совсем другие: без предела
Их замыслы! Какой уж тут предел,
Коль с детских лет уж ими овладела
Страсть к славе,
жажда грандиозных дел?!

Кто лучше,
разберись-ка — те иль эти?
У первых в жире не заметно глаз,
Но со вторыми здесь, на этом свете,
Бывает очень хлопотно подчас...

1960

* * *

Как хорошо лицо свое иметь...
Тот смотрит робко, этот смотрит гордо.
Тот любит в лодке с удочкой сидеть,
Другой в восторг приходит от кроссворда.
Походка есть у каждого своя,
И каждый носит шарф, какой захочет.
На шутку у того чуть дрогнут губ края,
А этот как безумный захохочет.
Как хорошо, что каждый не похож
На своего соседа! И прекрасно,
Что он и я — мы не одно и то ж:
Стоим — кто как. Прикуриваем — разное.
О, радостная эта пестрота
Одежд, волос, привычек, цвета кожи!
Страшимся мы, как видно, неспроста
Быть меж собою, как икринки, схожи.

1960

КРАСАВИЦА

Красавица!.. И вот, обалдевая,
Застыли мы, открыв в смятенье рот...
— Смотрите, вон красавица!

Живая
Красавица! Вон — не спеша идет!

О женской красоты великая загадка!
Кто тайный смысл твой до конца познал?
Ну вот она: зачесанные гладко
За уши волосы

да личика овал, —
И мы уже молчим, благоговая,
Молчим, от потрясения немые,
Следим глазами:

вот она правее —
И мы правей, она левей — и мы...

1960

* * *

Кто только мне советов не давал!
Мне много в жизни выдалось учебы.
А я все только головой кивал:
— Да, да, конечно! Ясно. Ну, еще бы!..

Поднявши перст,
кто только не держал
Меня за лацкан!

— Да, ага, понятно!
Спасибо! Ладно! —

я не возражал:
Ну что мне стоит, а ведь им приятно...
— Да, да, согласен! Ой ли! Ей-же-ей!
Ну да, пожалуй! Вы правы, не скрою...

Чем больше слушал я учителей,
Тем больше я хотел быть сам собою.

1960

* * *

Тоска по детству — ерунда!
Вот детство! Что на свете слаже?..
А я б не захотел туда
Вернуться на мгновенье даже.

Наморщ-ка лоб: чем одарит
Нас память?

 Это ж всем знакомо:
В снежки играем, дифтерит
Да скука над законом Ома...

Зато — о юность! Как остры
Воспоминанья!

 И чем старше,
Тем резче помню —
 от жары
Свой первый обморок на марше...

1960

* * *

— Подумаешь, Америку открыл!
Еще в пленках это мы знавали!..

А я один, как клад, ее отрыл
И позабыть уже смогу едва ли.
Как я добыл ее! Я смертный пот
Стирал ладонью. Рот был сух от жажды.

Я рыл и рыл...

Владеет ею тот,
Кто сам, один, добыл ее однажды.
Она во мне. Я жил, ее тая.

Я, стиснув зубы, в муках, на
пределе,
Ее добыл. Вот истина моя!

Вы ж до сих пор банальностью
владели.

1960

САМОЛЮБИЕ

Самолюбие, ты меня
Чуть кольнешь — и, мокрый от поту,
Помертвев, котелком звеня,
Догонял я на марше роту.
Не за деньги и не на приз,
А, пожалуй, тебя лишь ради
Я неистово ручку грыз
Перед чистым листом тетради.
Почему же, белый как мел,
Я звоню ей сто раз на неделе?

Неужели я не имел
Самолюбья на самом деле?

1960

ЖЕНЩИНА С КРАСИВЫМИ ЗУБАМИ

Женщине с красивыми зубами
Все кажется смешным.

Мы не говорили о женщинах.
По вечерам, когда всходила луна,
Мы вспоминали о том, кто как ел дома.

Наше училище было
В том же городе,
Где я несколько месяцев назад
В школе сидел за партой,
В десятом классе.
Старшина, татарин Ахмеджанов,
Раз в десять дней
Строил нас перед фронтоном
казармы
И вел в гарнизонную баню.
Под мышкой мы держали
Скатанное нательное белье.
На центральной улице города
Было много гуляющих.

Их взгляды действовали на нас
Как сильный, возбуждающий напиток.
В нас вдруг начинали брезжить далекие
Гражданские воспоминания.
Мы молодецкато приосанивались
И с ожесточением вбивали шаги
в мостовую.

В груди начинало петь.
Однажды был какой-то
Особенный вечер.
Город потонул в теплой
Розовой дымке.
Я, как обычно, шел из-за своего роста
В последней шеренге.
И вдруг на повороте,
У белого зданья городского театра,
Когда ликование в наших сердцах
Достигало предела,
Я вдруг почувствовал,
Что развязалась обмотка.
Она спадала широкими баранками
С худой ноги.
Я отстал от строя,
Вступив в единоборство
С грязной и длинной лентой.
Шинель, доставшаяся мне, как видно,
с великана,
Встала на спине горбом.
И вдруг я услышал смех.
Я обернулся и увидел рядом с собой
на тротуаре
Ту, которую я любил

И которой я когда-то нравился,
Но о которой позабыл
За событиями последних месяцев.
Она стояла с двумя щеголеватыми молодыми
людьми
В белых воротниках, выпущенных на
пиджаки.
Она смеялась.
Она смеялась, сверкая красивыми
зубами.
Она хохотала до слез.

1960

ХОЧУ БЫТЬ НАЧИНАЮЩИМ ПОЭТОМ

Хочу быть начинающим поэтом,
На метра говорящего смотреть...
Он грозный ходит, он брюзжит при этом.
Его лицо багрово, словно медь.

Он в кресло опускается устало.
Он дышит трубкой, тяжело дыша...
О, как бы я хотел, чтоб трепетала
В надежде и неведенье душа!

Он щелкнул пальцами, ища примера,
Нашел, и голос вверх идет, звеня, —
Тут что-то из Шекспира, из Гомера.
Я сник. Я стих. Уже он стер меня...
Но вот он поднимается из кресла,
С улыбкой слабой треплет по плечу.
И ожил я. Душа моя воскресла!
Счастливый, я на улицу лечу.

Средь города, средь бешеного мая
Лечу я, не скрывая торжество,
Тетрадку к сердцу крепко прижимая,
Не видя и не слыша ничего...

1960

СЛОВО

ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Тому вовек рассудком не понять
Страну мою,
 как строилась, страдала,
Кого ни разу не смогли пронять
До слез
 слова «Интернационала».

Практичен запад и нетороплив,
Параграф чтущий, делающий дело...
Страна моя, прекрасен твой порыв
Во всем достичь последнего предела!

...Я верю: будет —
 пусть идут года! —
Мир и довольство...
 Но еще не знала
Вселенная от века никогда
Такой великой жажды идеала...

1961

* * *

Крестились готы.

В водоем до плеч
Они входили с видом обреченным.
Но над собой они держали меч,
Чтобы кулак остался некрещеным.
Быть должен и у кротости предел,
Что б заповедь смиренья ни гласила...
И я кулак бы сохранить хотел.
Я буду добр. Но в нем пусть будет сила.

1961

НЕБО

Что может быть на свете проще,
Чем небо? Синь его чиста
В просветах облетевшей рощи,
В пролетах старого моста.
Его безмерные высоты
Пригодны разве для орлов!
В него смотрели звездочеты,
И шапки падали с голов.
Мучительны его загадки, —
Века решать их суждено,
Хотя под водостоком в кадке
Лежит до вечера оно —
То самое, что нет бездонней,
Что изучаемо людьми.
А ну-ка ковшиком ладоней
Его попробуй-ка возьми!
Потеря неба! В самом деле,
Она страшней других утрат!
Как жадно узник в цитадели
Ждет утром голубой квадрат!
Как чают неба в амбразуре!
Из дыма танк рванет, и вот

Полоска узкая лазури
Как будто бритва полоснет.
Я знаю: нет дорожѣ вещи,
Чем небо! Синь его кротка,
Но молнии его зловещи,
Как трещины вдоль потолка.
И кажется, что скоро, скоро
Оно вдруг рухнет,

но пробел
Прорезался за кромкой бора,
И вот уж край заголубел.
Пускают в небо шарик дети.
В нем самолет теряет след.
...В отличие от всего на свете
Ему конца и вправду нет.

1961

* * *

Поэт бывал и нищим и царем.
Морским бродягой погибал на море.
Ушастым клерком он скрипел пером,
Уныло горбясь за полночь в конторе.
Повешен был за кражу, как Вийон.
Придворный,
 в треуголке, при параде,
Он фрейлин в ручку чмокал, умилен,
И с песней умирал на баррикаде.
Слепец брел рынком. Гусли. Борода.
По звонким тропам мчался по Кавказу.
Но кем бы ни бывал он, никогда
Ни в чем не изменил себе ни разу.

1961

Блокноты в клетку и без клеток
Лежат навалом у стены:
Для изречений, для заметок
Они, видать, припасены!
А рядом общие тетради.
Они стоят обрез в обрез.
О многотысячные рати
И с переплетами и без!

...Стою, задумчиво листая:
Для туши. Для карандаша.
А вот, — я щупаю, — простая,
Для исповеди хороша...

1961

А Д А М

Ленивым взглядом обозрев округу,
Он в самый первый день траву примял,
И лег в тени смоковницы,
и, руку
Заведши за голову,
задремал.

Он сладко спал. Он спал невозмутимо
Под тишиной эдемской синевы.
...Во сне он видел печи Освенцима
И трупами наполненные рвы.

Своих детей он видел!..
В неге рая
Была улыбка на лице светла.
Дремал он, ничего не понимая,
Не знающий еще добра и зла.

1961

СОЛОВЕЙ

Среди листвы работал соловей...
Бей в наковальню! Глыбами ворочай!
Пуды под звезды подымай! Живей!
Как потный грузчик и чернорабочий.
Бей в наковальню! Бей! Гранит дробь!
Ночной певец, не знающий износа.
Пой в темноте! Свой страшный труд люби
Молотобойца и каменотеса.
Ломай дубы! Вей кольца из ветвей!
Копай суглинок, за плечо кидая!
...Среди листвы работал соловей.
Всю ночь работал рук не покладая.

1961

ЖЕНЩИНА СМЕЯЛАСЬ

Смеялась женщина... И смех ее звучал
В каморке, в блиндаже, в купе вагона.
Его сквозь сон я смутно различал
За стенкою средь гомона и звона.
О золото! Его мне мир дарил
Бесплатно. На поляне. На пароме.
Смотри: на стадионе у перил
Вон женщина хохочет и в истоме
Уж падает почти! Хохочет! Силы нет!
До слез, в изнеможенье, на пределе.
Рукою только машет. И в ответ
Нельзя не улыбнуться в самом деле.
В метро. На танцах. На плотях. В кино.
Мелькали страны, лица. Все сменялось...
А я хотел бы только лишь одно —
Чтоб шли года,
 чтоб женщина смеялась!

1961

* * *

Вот снимок мой:
На гимнастерке складки.
Безусый, но решительный вполне.
...Исчезнет все.
Исчезнут недостатки!
Лишь вечное останется во мне.
Все частное и мелкое
Непрочно,
Но через тыщелетье
Человек,
На снимок лишь посмотрит,
Скажет точно:
— Год сорок пятый.
Май.
Двадцатый век.

1961

МИР РАЗЛОЖИЛ НА ЧАСТИ ПИКАССО

Мир разложил на части Пикассо.
Он плоть содрал с вещей.

Так бьют посуду!
На дыбу мир! Скорей! На колесо!
Повсюду щепки. Черепки повсюду!

Устал. Пошел гулять на полчаса.
— Эх, что б еще! — Веселой полон злобой.
Глядит: кафе. Зашел: Глядит: слеза,
Слезка стекает...

Разложи! Попробуй!

1961

* * *

Обложка иностранного журнала:
Вот женщина.

Она обнажена.

Она победно лавры пожинала
За красоту.

Мир потрясла она!

Она в чулках. А вот она на пляже.
У телефона. Как хохочет рот!
А это кто под душем?

О, она же!

Она в трико и вполуборот.
Она в отеле. Вот она в постели.
Она пьет с другом...

Мир у женских ног.

Крадется в сердце ужас:

неужели

Все это цель, конец, венец, итог?

1961

ОСЕНЬ

У осени надежная основа.
Мне не сдержать круженья головы
От духа кисловатого, квасного,
Идущего от вянущей листвы.
Нет осени задумчивей и строже!
Она умна, печальна и проста,
Хотя ее безумные одежды
Нелепы и пестры, как у шута.
Я, горожанин,

осени не вижу:

Все суетишься, — все дела, дела!
Стук кровельщика, что латает крышу,
Вдруг возвестит — она уже пришла!
Но где ж она?

Вокруг толпятся зданья.

И как-то раз в потемках поутру
Ударит дождь, по стеклам барабаня,
Как сотни барабанов на смотрю.
И ветер, как горнист, напев

затянет.

Проснувшись, долго смотришь в темноту.
Соседка в кухне за стеною станет,

Ломая спички, разжигать плиту.
Она гремит кастрюлями, зевая.
Соль ищет, чертыхаясь с полчаса...
А на подножке дальнего трамвая
Уж я въезжаю в ближние леса.
Они стоят.

Невидимые крепи

Сдержали их за городской чертой.
В узорном византийском благолепье,
Как терем, поражая пестротой.
Передо мной лимонный, и медовый,
И клюквенный пожар. Как будто сон.
Сторожка. Пень.

Калиткою садовой

Огромный ворох листьев отгребен.
Во вретище смиренная осинка
Трепещет одиноко в стороне...
И охра листьев, и просветов синька,
И тишина приятны были мне.
Стою перед чащобой, как у входа:
— Послушаем, что говорит природа?

1961

ЗОЛОТОЙ ХАРАКТЕР

— Золотой характер,— говорили
Про меня. С угрюмой прямою
Сплеывали и опять курили,
Говоря: — Характер золотой!

Жил я, ничего не понимая,
От тоски и счастья, как в бреду.
Тонкую березку обнимая,
Поджидая раннюю звезду.

Юный, с сердцем справиться не в силе,
Ждал, что там, за дальнею чертой!..

На скамье курили и твердили
Обо мне —
характер золотой!

1961

КОГДА УХОДИТ ЖЕНЩИНА

Когда уходит женщина, скажи:
«Не уходи!»— и задержать попробуй.
На плечи смело руки положи.
Она их сбросит тотчас же со злобой.
Когда уходит женщина: «Молю!
Куда? — скажи. — Куда ты?» Без ответа
Посмотрит лишь. Сквозь зубы:
«Не люблю!» —
Произнесет. Что возразишь на это?
Когда уходит женщина, вперед
Зайди! Она и не поднимет взгляда!
...Когда ж уйдет, то, свесившись в пролет,
Кричать: «Прошу, вернись!» — уже
не надо..

1961

ГЛУБИНА

Я очень поздно понял глубину.
Я на нее набрел совсем случайно.
Я думал: на секунду загляну
И отшатнусь. И сохранится тайна,
Но глубина уже вошла в меня
И мною уже сделалась отчасти.
И я живу, в себе ее храня
На самом дне.

На горе иль на счастье.
Ее, и ненавидя и любя,
Я сохраняю. Не легко мне часто,
Но без нее я б чувствовал себя,
Как шхуна в шторм, что вышла без
балласта.

1961

Я ЖИЛ МИНУТОЙ

Я жил минутой.

В темноте военной
Глядел в огонь, не расцепляя рук.
И был моею маленькой вселенной
От тихого костра неяркий круг.
Я жил минутой.

Плохо жить минутой!
За медный грош приобретенный рай!..
Нельзя назад. Броди, скитайся, путай,
К бескрайней дали руки простирай!
Я жил минутой.

Так когда-то было!
Я счастлив был: табак, сухарь, тепло..
Назад нельзя. От берега отбило
Уже меня
и в море унесло...

1961

**МОИ ДРУЗЬЯ — ЗАГАДКА
ДЛЯ МЕНЯ**

Мои друзья — загадка для меня:
Супруга. Положение. Машина.
Высокомерней вид день ото дня.
Грозней очки. Безбрежнее плешина.
Тот «пульке» предан, этот — гаражу,
Тот с псом гуляет. Горькая пропажа!
На друга озадаченно гляжу:
Ровесник! А как будто бы папаша!
Ползет солидно, не бежит бегом.
Портфель. К губе прилипла сигарета.
Не с вами я. Я в возрасте другом!
Я где-то там. Я задержался где-то!

1961

* * *

Мне плохо: я ни разу не страдал,
К страданию я привычки не имею.
Не плакал. Не кричал. И не рыдал.
А вдруг беда?

Ну как я встречу с нею?
Как выдержу ее? Как справлюсь с ней?
Спокойно все пока. Пока все мило.
Но сердце ощущает все сильнее
Трагическую подоснову мира.
И я чего-то напряженно жду,
Задумываюсь. Голову склоняю.
Во мне смятение: как встречу я беду?
Беду
как встречу я?

Не знаю.

1961

ЕДИНИЧНОСТЬ

Имел он страсть чрезмерно обобщать.
И в этом доходил он до предела.
Я не хотел вниманья обращать:
— Ну да! Ну слабость! Ну какое дело! —
Напыщенно сказал он как-то раз,
Смотря, как ел я в парке бутерброды:
— У всех у Винокуровых, у вас
В наличие алчность к пище от природы. —
А раз изрек — и этим не шутя
Меня он незаслуженно обидел:
— Лентяи все друзья твои, —

хотя

Он только одного всего и видел.
Мне стал постыл его пустынный взор
И схемы, что не требуют поправки.
Я единичность полюбил с тех пор:
Вот дом. Вот сад. Вот человек на лавке.

1961

Ч А С

С утра до ночи день распределен.
Работаем, мотаемся, читаем...
Но час один я выделяю. Он
Особо меж другими почитаем.
Час размышления!

Священный час!

Над переносьем сходятся морщины.
И у других я замечал не раз
Задумчивость без видимой причины.
Трудись, мой ум. Трудись,
пока я жив!

И счастья мне не надобно иного.
Брожу, в карманы руки заложив,
Наморщив лоб,
нахохлившись сурово...

1961

УЧИТЕЛЬ ИСТОРИИ

Я возвращался в день осенний
Почти мальчишкою с войны.
Пожаром страшных потрясений
Были глаза мои полны.
Состав стучал по Подмоскovie.
К стеклу приклеился листок...
Я, отвернувшись, харкал кровью
В противно слипшийся платок.
...История! Ты над пучиной,
То вознося, то вбок креня,
Как бот,
 три года с половиной
Мотала на волнах меня.
Мне сложности твои знакомы —
Я понял все наверняка.
Я изучил твои законы:
Еще болят мои бока!
Полз под дождем, стерню сминая.
Зубов мучителен оскал...
Мир крив. А логика прямая.
Я логику в тебе искал.

Но, истинный имея метод,
Нетрудно тайну отгадать,
Откуда появился этот,
Чей левый глаз закрыла прядь!
О Кант! В каком мы веке? Где мы?
Мыслители, замкнулся круг.
И философская система
Военной делается вдруг.
Глубокомысленных вопросов
Туман тяжелый. Вонь чернил.
И свой ночной колпак философ
Железной каской заменил.

Я кровью харкаю. Мокрота
И волокниста и черна...
Под Гинденбургом пала рота.
И в мае кончилась война.
В окошке дачные пейзажи:
Пестры дома, как теремки.
Гамак качается. На пляже
Мальчонка с книгой...

У реки

Я здесь историю когда-то
Зубрил. В киоске брал драже...
Год сорок первый... Тоже дата!
И тож история уже.

Забвение. Все в этой бездне
Потонет. Перейди же грань
И стань историей! Исчезни.
Сотри себя. Рискни. И стань!
Явись. И ты узнаешь цену

Минутам! Как мелки они!
На ослепительную сцену
Взойди

и тогу запахни.

Поверь в историю! Иначе
Все несерьезно: как во сне.
Я мальчик был. Я жил на даче.
И так вещал учебник мне...

Жара. Как странно неуклюжи
Бывают сапоги! Привал.
Я дрянь болотную из лужи,
Припав губами, смаковал,
Цедил...

С поры той дальней, с лета,
На глине, что желтка желтей,
Остались ли четыре следа
От двух колен и двух локтей?
Иль не остались?

Мне дороже
Они сейчас других примет!..
А может, это вправду тоже
История?

Иль это нет?

Вокзал. Я вышел. Деловито
Мешок поправил за спиной.
Три в бескозырках инвалида
Тягуче пели у пивной.
На мне висит линялый китель.
Следы темнеют от погон,
И вдруг я вижу: мой учитель!

Не может быть! Неужто он?
Лоб то ль сатира, то ль Сократа.
— Узнал Семена Кузьмича? —
...По пояс был ему когда-то,
Он стал мне ныне до плеча.

Он нам повествовал, бывало,
Смотря из-под тяжелых век,
Как в страшных войнах пребывала
История из века в век.
Подчас и горячился даже,
И нас волнением заражал,
Когда он в стариковском раже
Нам воинов изображал.
Он говорит. А я, не скрою,
Смотрю и вижу: где-то там
Берут ахейцы штурмом Троию.
Мечи гуляют по щитам.
Вон скачут гунны. Жгут обитель.
Засели рыцари внутри.

Я кашлянул: — Вот кровь, учитель!
То настоящая. Смотри!

История, вот я — песчинка! —
Тебе я предъявляю иск.
Я грозен. Встал для поединка.
То я кричу — ты слышишь писк?
Кто ты? Одно сплошное чудо?
И каждый шаг твой мудр и свят?
Иль ты бессмысленная груда

Идей, событий, лиц и дат?
Я твой исток не различаю,
Поток текущий испокон.
Но верю, знаю, ощущаю:
Там в глубине твоей закон.

1961

* * *

Священное умение говорить.
Произносить слова и строить фразу.
Как просто это: стоит рот открыть,
И чудо слова возникает сразу.

Как ты проста, осмысленная речь!
Приставка. Окончание. Основа.
Вождь длань простер вперед:
ему увлечь
Дано людей в огонь — он знает слово!

И, принятое в множество голов,
Оно свое вершит упрямо дело.
Я знаю: люди состоят из слов,
Которые им внутрь вошли,
и тела.
И слово движет. И земля горит!
И в небо вилы вздеты! Тьма багрова.

Могильный холм учеными разрыт:
Сосуд. Потерли. И сверкнуло слово.

И стало жить. Его нельзя назад.
Не воробей! Пошло гулять по свету!
А есть слова — по ним глаза
скользят.
Стручки пустые. В них горошин
нету.

1961

* * *

В подвале, где бомбоубежище,
Раздолье овощехранилищу.
Дверь открывается скрежещуще.
Недюжинную надо силищу,
Чтобы открыть!

Лиловой свеклою
Подвал набит, морковью багровою.
Картофель прорастает блеклою
Огромной плетью двухметровою.
Подвал завален крепкой репою,
Наполнен вялой, словно ватую,
Растрепанною и нелепою
Капустою чуть грязноватою.
В рогоже редька рядом с тыквою
И огуречной бочкой дюжею...
В углу подвал хранит реликвию —
Слова чуть видные: «К оружию!»

1961

МЕСТЬ

Над юностью моей стояло слово «мщение»...
В военкомате и фойе кино,
В сберкассе и в любом учрежденье —
Везде пылало со стены оно.
...Перловку поедая с аппетитом
Из котелка,

я взор бросал косою
В листок, где, словно муравей, петитом
Оно брело — то слово — полосой.
Я на перроне спал под этим словом...
Я мчался по шоссе:

во весь размах
От сердца намалеваны багровым,
Кричали в сажень буквы на домах.
...В дни юности всегда страшатся злого.
У молодости много слов! Не счесть!
Но помню я одно прямое слово,
И это слово кратко было — мечь...

1961

ПОЭМА О ДВИЖЕНИИ

Полы трет полотер.
Бредет он полосой.
Так трогают,
— хитер! —
Ручей ногой босой.

Он тропку все торит.
Его неверен шаг.
Но вот простор открыт —
Он вышел на большак!

Полы трет полотер.
А ну смелее. Жарь!
И он вошел в задор,
Как на косьбе косарь.

Вперед он сделал крен.
Рубахи нет — штаны.
А ноги до колен
Его обнажены.

Полы трет полотер.
Он с плешью. Он костист.
Он руки вдаль простер,
Кружа, как фигурист.

Веселую игру
Он воспринял всерьез.
Чечетку бьет в углу,
Как «Яблочко» матрос.

Полю трет полотер.
Как будто на пари,
Напористый мотор
Работает внутри.

Струится пот со щек,
А пляска все лютей.
Он маятник. Волчок.
Сплошной костер страстей.

Полю трет полотер.
Паркет да будет чист!
Он мчит —
пустынен взор! —
Как на раденье хлыст.

Ему не до красот.
Он поглощен трудом.
Ой-ёй, он разнесет,
Того гляди, весь дом!

Полю трет полотер,
Его летит рука.
Он как тореадор,
Пронзающий быка!

Он мчит. Он там. Он тут.
Устал. Как поднял воз!
Он начертил этюд
Из жестов и из поз.

Полы трет полотер.
В нем порох. В нем запал.
Вот он нашел упор.
От плоти валит пар.

Расплавил пыл его.
А ритм его слепил.
Ухваток торжество.
Телодвиженья пир.

Полы трет полотер,
А позы, как хорал!
Мимический актер
Трагедию сыграл.

Он мчит, неумолим,
От окон до дверей.

Движенье правит им.
Оно его мудрей.

1961

ОТРОЧЕСТВО

Отрочество — это предисловие к жизни...
Отрочество — это тот возраст,
Когда тебе кажется, что мир тебе
Только кажется.
Когда действительность похожа
На дрожащий пейзажик,
Отраженный в подмосковном пруду.
Она как будто составлена из спичек;
Дунь — рассыплется.
Отрочество — это миг,
Когда короче всего расстояние
От сердца до человечества.
Это глаза,
Поднятые к звездам, —
Взлет в область бескорыстия,
После которого до старости остается в груди
Холодок от глотка разреженного воздуха.
Отрочество — это удивленье.
Удивляешься миру всем своим существом,
Свободно, глубоко, полно.
Удивляешься так многообразно,
Что ни одно удивленье

Не повторяет другое.
Отрочество — это возраст,
Когда еще ничто не установилось,
Когда еще нет привычек,
Когда на вопрос парикмахера:
«Как вас постричь?» —
Что-то бормочешь
И вертишь неопределенно рукой
Вокруг головы.

Отрочество — это беспокойство:
«Вдруг я не такой, как все?» —
И ужас: «Вдруг я такой, как все?»
Отрочество — это тот возраст,
Когда ходишь, как только что
Вылупившийся птенец,
Не стряхнув с себя
Скорлупы детства.
Отрочество похоже на тот
Неопределенный, переходный час,
Когда синие сумерки
Словно вода стоят
В арбатских переулках...

Я люблю отрочество.
У меня не было юности,
Но отрочество у меня было.

1961

ПЬЮТ ПИВО

Пьют пиво так, как его должно пить.
Взглянув на свет, сдувают пену с кружки.
Но надо предварительно купить
В другом ларьке
в крупицах соли сушки.

Пьют пиво к стенке привалясь спиной —
Расстегнут ворот, сдвинута фуражка, —
И вытирая тыльной стороной
Ладони рот,
и отдуваясь тяжко.

Пить пиво — то особый ритуал!
Все найдено — от позы и до жеста.
Напружив щеки, дунь:
на тротуар
Стекает пена пышная, как тесто.

Отставив ногу, локоть отведи,
Тяни же губы, чтоб смачнее чмокать,
Среди таких, точь-в-точь как ты,
Фуражку сбивших и отведших локоть.
среди

1961

ЖИЛЕЦ НАПРОТИВ

Есть такие люди, чьи глаза
Притаились далеко-далеко за линзами очков.
Они исповедуют таблицу умножения!
Они вычерчивают кривую голоса
Поющей птицы.
Они длину окружности пытаются измерить
Линейкой.

Дай им волю, они бы время
Приколотили к пространству.

Человек живет в квартире
Напротив меня.
По утрам я вижу в окно,
Как он выходит из подъезда.
Его шляпа своими полями
Образует перпендикуляр
К прямой его фигуры.
Отутюженные складки брюк,
Продолженные в бесконечность,
Не пересекутся.
Одна его рука, свободная от портфеля,
Ходит взад-вперед, как маятник тех часов,
Что ждут его дома над комодом.

Однажды он остановил меня:
Я оплошно попал в объектив его зренья.
Он взял меня за единственную пуговицу
На пиджаке,
Готовую вот-вот оторваться.
Он бубнил.
Я переминался с ноги на ногу,
Держа за спиной авоську с бутылками пива,
Которыми я собирался угостить
Заглянувшего ко мне приятеля.
Сосед бубнил. Он был недоволен.
Где-то! Что-то!
Безобразия!
Так не говорят! Это новое!
Он будет жаловаться! Он напишет!

Я смотрел в его глаза.
Они были далеко-далеко,
За тысячи километров.

Ночью мне приснился кошмарный сон:
Я видел своего соседа
В подтяжках и шлепанцах.
Вот он карабкается на стул.
Он багров от натуги.
Изо рта его торчат,
Поблескивая шляпками, гвозди.
В руке его молоток.
Жена, одной рукой запахивая халат,
Другой рукой придерживает стул за ножку.

Вот сосед размахивается.
Я слышу стук.
Каждый удар отдается мне в голову —
Сосед приколачивает
Время к пространству!

1961

* * *

Поют слепые. Жаждет петь и петь
Тот, кто ослеп. Хрипотца с непривычки.
Тоскует сердце, не могу терпеть,
Когда заслышу голос в электричке!

Гомер, вслед за тобой те, что слепы,
Бредут, как бы без лампы по забою.
...И бандурист поет среди толпы
В слезах, наедине с самим собою.

Все шарят палкой — только б не упасть.
Поют, поют, поют. Закрыты веки.
Как видно, к песне беспредельна
У тех, кто солнце потерял навеки. страсть

1961

НЕХИТРЫЙ РАЙ

Нехитрый рай несложно сколотить.
Отгородись фанеркой небольшою.
Подкрасить, подсинить, подзолотить —
До самой смерти отдыхай душою!

...Мил, словно дом. Надежен, словно дот!
Глух, как подвал. Живи, забот не зная.
Но дунет ветер — крыша упадет,
И снова сверху темнота ночная...

1961

ДЕРЕВО

Поклоненье деревьям —
Старинный обряд.
Вот они поднялись.
Сколько мощи и лени
В их простертых ветвях...
Я сейчас был бы рад
Перед ними, победными,
Встать на колени.
Кереметь — бог мордвы!
Разделяю вполне
Трепет древних.
Мне дерево символом стало!
Я хотел бы, чтоб все
И вокруг и во мне
Постепенно, как дерево,
Вырастало.
Поражает и ныне
Закон естества,
Что таится и в дубе,
И в грабе, и в вязе:
От корней навсегда

Удалилась листва,
Но ничуть не слабее
Их скрытые связи.

1961

У П О Р С Т В О

Мы спорим иногда устало,
Ленясь, позиции сдаем.
Прав, кто во что бы то ни стало
Настаивает на своем.
Велик, кем прочно овладело
Одно,
 все прочее поправ.
Упорствующий до предела
Почти всегда бывает прав.

1961

ЧУДАКИ

Есть в мире чудаки. Они живут средь нас.
Восторженные! Волосы по плечи.
Замысловаты и мудры их речи.
Поступки удивительны подчас.
Очки убоги. Ниткою оправа
Замотана. Зайди на их чердак —
В досаде лишь всплеснешь руками: право!
Вот чучело-то! Батюшки, чудаки!
Мечтают всё! До уха одеяло
В ночи натянут, слыша шум в трубе...
А мне бывает жаль, что я так мало
Причуд на свете разрешал себе!

1961

Н Е М О Е К И Н О

Рты открывают важно, словно рыбы,
Герои фильма. Не идут, бегут.
Истерлась лента старая. Разрывы.
Включают свет на несколько минут.

Кино немое. Здесь победа жеста.
Неистовство трагического рта!
Как он кричит! Похищена невеста.
Фиакр. По грязи тянется фата...

Не надо слов. Как лента, стерто слово.
Меня трясет в безмолвье синема...
У сильных чувств — молчание основа.
Страданье немо. Музыка нема.

1961

* * *

Цирк не люблю: вон тот сидит в пальто,
А тот жует,
 покуда, напрягая
Все силы, крутит смертное сальто
Девчонка в высоте,
 полунагая.

Мне пляж постыл:
 вон тот острит, а тот,
Под тентом развалясь, глядит с зевотой,
Как к морю зябко женщина идет,
По синеве блистая позолотой.

Я злюсь в кино: тот спит, а этот пьян.
Болтают. Иль хихикают несмело.
А женщина стоит во весь экран,—
Обнажено ее святое тело.

1961

* * *

Зачем срывать повязку
С кровоточащих ран?
Печальную развязку
Мне преподнес экран.
К концу все боле, боле,
Но я не замечал.
Как вдруг от страшной боли
Я чуть не закричал.

Потом весь год щемило
В боку под пиджаком.

А чтобы все же было
Окончить пустяком?

1961

Я ПОСЕТИЛ ТОТ ГОРОД

Я посетил тот город, где когда-то
Я женщину всем сердцем полюбил.
Она была безмерно виновата
Передо мной. Ее я не забыл.
Вот дом ее. Мне говорят подробно,
Как осенью минувшей умерла...
Она была и ласкова и злобна,
Она была и лжива и мила.
...Я не решаю сложную задачу,
Глубинные загадки бытия.
Я ничего не знаю. Просто плачу.
Где все понять мне?
Просто плачу я.

1961

* * *

Жалейте милых, коль сроднились с ними,
Сжились! Коль вы срослись уже в одно!..
Труднее нет, чем стать двоим родными.
Такое только раз один дано.
Не надо обижать их, дорожите
Привязанностью! Пусть тяжелый быт
Их не убьет! Заботой окружите!
Прощайте их! Не помните обид.
Не обольщайтесь: дескать, век не прожит,
А женщинами полон шар земной!..
Никто, поверьте, заменить не сможет
Той,
 горько полюбившейся,
 одной...

1961

* * *

Бродячая украинская труппа.
Он и она. Но муж ее догнал.
Удар ножа! Седой отец у труппы.
И занавес спускается. Финал.

...А в городке был май. И словно иней
Был лунный свет. Пылали облака.
И я шагал с воскресшей героиней
По улицам пустого городка.

Что ей, девчонке бешеной и шалой,
Что город спит, что поздняя пора?
Она б весь город подняла, пожалуй,
Петь и кричать желая до утра.

Она сирень ломала и дарила,
Раскидывала и рвала опять.
И, хохоча,

с презреньем говорила:
— Зачем я воскресала?
Чтобы спать?!

1961

ПОХВАЛА ВОЗРАСТУ

Я славлю возраст свой!..

Пусть не торопят,
Я б в нем хотел побыть. Года. Века.
Слились и неуверенность, и опыт,
И трепетность, и твердая рука.
Он только лишь на миг со мной! Так что же,
Что больше не наступит он опять?!
Те, кто старей, и те, кто помоложе,
Завидуйте!

Мне нынче тридцать пять.
Прекрасный возраст! Я горжусь им, право!
Я им хвалюсь, всем сердцем возлюбя.
Что может быть на свете лучше сплава
Боязни тайной с верою в себя!

1961

НА РЫНКЕ

Картины хмурый малый продает
На рынке. Видно сразу, что мазурик!
Сырая охра зла, как будто йод.
Синь — как мышьяк. Как окись — едок сурик.
Видать, мастак обманывать людей!
Картины в рамках есть, есть и без рамок.
Квадратный пруд. С десятков лебедей.
На берегу невероятный замок.
То груб нахально, то постыдно льстив,
Божится парень, срыгивая пивом.
Но трогает базарный примитив
Каким-то детским и смешным наивом.
Пробрался к замкам, лебедям, прудам
И улыбаюсь. Чуть. Неуловимо.
— Почем вон та?

— А я вам не продам,
Товарищ милый! Проходите мимо.

1961

**СЧАСТЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК
СТРАДАЕТ ЗА ДРУГИХ**

Счастливый человек страдает за других.
Тоскливо он живет, воображая
Себя на месте ближних, дорогих,
Жить не дает ему беда чужая.
В себя уйдет несчастный, словно крот,
Беда им завладела без предела,
Ему с собою полон рот хлопот.
Несчастному нет до другого дела!

1961

ПАМЯТНИКИ

Я памятники в городе люблю.
Один сидит. Другой изваян стоя.
Поднявшись, конь копытом бьет змею.
Тот книгу держит. Тот копье героя.

С детьми уселись няньки в их тени.
И голуби у ног их ищут проса.
В отличие от людей хранят они
Какой-то жест.

Одна навеки поза.

Все больше их. И скромны без затей
И важные, царят они над миром.
Все гуще чаща каменных людей.
Кто с яблоком в руке. Кто с нивелиром.

А кто со свитком...

Я меж ними брел,
И чувствовал себя я виновато:
Тот что-то создал. Этот изобрел.
Тот даже город основал когда-то!..

1961

* * *

Где вы, женщины, о которых
Я вздыхал? Я сходил с ума!..
В перелесках, на косогорах
Одиноки ваши дома.
...Рукавицы сушил над плитою.
Замирая, голодный, ел.
Грозной женскою теплотою
От дородных веяло тел.
До околиц меня с опаской
В темень выведут. Слезы утрут.
Забываю о вас я...
Ряской
Так затягивается пруд.

1961

* * *

Я потерял себя. Нет горестней потери.
Кричу, кричу, кричу!

Молчание в ответ.

Хожу в толпе людей. «А ну по крайней мере
Откликнись. Где же ты!» Ответа нет и нет.
«Какой я был? Какой?» Увы, вопрос напрасный!
Уже и сам себе не вспоминаюсь я никак:
Расчетливый педант?

Или гуляка праздный?

Беспечный балагур?

Иль сгорбленный чудак?

А может, был я льстец?

Иль я плевал в гордыне

На всех?

Иль был я червь?

Иль жил, с плеча рубя?..

Кричу, кричу, кричу! А голос, как в пустыне.
Вот страху-то хватил!..

Но я нашел себя.

1961

* * *

Та женщина костлявая была.
По правде говоря, одна лишь слава,
Что женщина! Как два прямых угла
Торчали плечи, так была костлява.
Висело платье длинное, как сеть,
А брошки были будто бы грузила.
Она игриво принималась петь.
Мне пальчиком суставчатым грозила.
А волосы, как будто на клею!
Но между тем с ужимкой светской львицы
Лукаво клала голову свою,
Как будто бы на доски, на ключицы.
Была бы страшной и улыбка та,
И пальчик тот в игривой укоризне,
Когда б не глаз зеленых доброта,—
Все, что осталось от прожитой жизни.

1961

ЗАВЕДУЮЩИЙ ПОЭЗИЕЙ

Я заведовал поэзией.
Позиция зава — позиция страдательная.
В ней есть что-то женственное.
Тебе льстят, тебя обхаживают,
На тебя кричат.
С часа до пяти ежедневно я сидел за столом
И делал себе врагов.
Это было нечто вроде
Кустарной мастерской:
Враги возрастали в геометрической
Прогрессии.
Оклад, из-за которого
Я пошел заведовать,
Уходил на угощение
Обиженных мною друзей.
На улице я ловил на себе злобные взгляды.
Это продолжалось до тех пор,
Пока меня вдруг не осенила одна
Простая истина:
Авторы не хотят печататься!
Они хотят, чтобы их похвалили.

Возврат рукописи — болезненная операция:
Я стал ее делать под наркозом.
От меня уходили теперь,
Прижав к груди отвергнутую рукопись,
С сияющим лицом,
Со слезами благодарности на глазах.
Но и принятая рукопись
Должна пройти редколлегию.
Замечания членов редколлегии
Похожи на артиллерийские снаряды:
Ни одно не попадает туда,
Куда упало другое.
Иногда рукопись была похожа на мишень,
По которой стреляла рота.
Авторы шли.
Юнец. Пишет лесенкой...
Старый поэт. Одышка. Сел.
Мясистая рука с перстнем
Лежит на толстой палке...
Парень ростом под потолок.
Со стройки. Комбинезон в краске и в извештке.
Положил кепку. Она приклеилась к столу.
Уходя, едва отодрал...
Тучная дама. У детей коклюш.
Черствый муж. Не понимает.
Пишу урывками! Надо то в магазин,
То приготовить. Все сама, сама.
Без домработницы...
Человек. В черных как смоль глазах
Лихорадочный блеск.
Заявление: «Прошу назначить меня
Писателем Советского Союза».

Сумасшедший...
Прут. Все пишут стихи.
Пишет весь мир!
Я разочаровался в людях.
Я стал подозревать каждого:
Что делает директор треста,
Когда он один запирается
В своем кабинете?
Милиционер — у посольства?
Авторы шли. Тонны и тонны стихов.
Слова слипшиеся, как леденцы в кулаке.
В них слабенький яд.
Но в больших количествах — опасно.
Я отравился.
Я был как перенасыщенный раствор:
Еще чуть-чуть, и начнется кристаллизация.
Поэзия станет выпадать во мне
Ромбами или октаэдрами.
Я бы возненавидел поэзию,
Люто, на всю жизнь,
Но вдруг попадалась строчка...

ХУДОЖНИК, ВОСПИТАЙ УЧЕНИКА

Художник, воспитай ученика,
Сил не жалея его ученья ради,
Пусть вслед твоей ведет его рука
Каракули по клеточкам тетради,
Пусть на тебя он взглянет свысока,
Себя на миг считая за провидца.
Художник, воспитай ученика,
Чтоб было у кого потом учиться.

1961

ВСЕ ВЫНЕСУ И ВСЕ ПЕРЕЖИВУ...

Все вынесу и все переживу.
Муть, как в стакане, тихо отстоится.
Отчетливо тогда я назову
То смутное, что на душе таится,
То смутное, чему названья нет,
То смутное, что хаосу подобно.
Пускай кипит.

Через немного лет
Все расскажу спокойно и подробно.
Все будет очень просто! Но пускай,
Неистово клубясь, в минуту эту
Волнуется, стремясь из края в край,
То смутное,
 чему и слова нету...

1961

ОДНОФАМИЛЕЦ

Однофамилец мой был седоус и худ.
Он громко чавкал при приеме пищи.
Он дергался — какой-то нервный зуд!
Кисет зачем-то прятал в голенище.
Я холост был, а у него жена.
Держался он всегда один, особо.
Фамилию лишь крикнет старшина,
Мы голову сломя бросались оба.
Он звал меня презрительно — пострел!
Вина не пил. Но чай хлебал до пота.
А все-таки я на него смотрел,
Как будто нас объединяло что-то...

1961

РАЗНООБРАЗИЕ

Когда я пришел из армии,
Первое, чем я был поражен,
Это было — разнообразие...
Я брел в яловых сапогах
По городу, глаза по сторонам.
«Для чего,— думал я,— вместо
Единой гимнастерки
Столько разных одежд?»
Можно ослепнуть от этих
Ситцев, наваленных на полки!
Устанет язык перечислять названия.
«Зачем,— думал я,—
Вместо ежедневных щей да каши
Это бесконечное количество блюд?»
Десятки видов паштетов,
Тысячи видов соусов.
Колбасы как таковой нет!
Субстанция под названием «колбаса»
Разбилась на сотни форм:
Краковская, любительская, чайная.
И так без конца.
Дурная бесконечность!

Вместо спирта
(Я знал его два вида:
Разбавленный и неразбавленный)
В бакалейном магазине
Спектор ярких этикеток
На бутылках всех видов и форм.
Пудовая поваренная книга
Потрясла меня.
Библия еды! Ветхий завет гурманства!
Атлас неведомых гастрономических
материков:

Сто шесть способов
Приготовления печени!
«Зачем?» — спрашивал я.

Я видел, как в ювелирном магазине
Женщина подбирала запонки:
«Мне нужен камешек
Зеленовато-синий,
Переходящий в лиловый,
А вы мне даете
Лиловато-зеленый,
Переходящий в синий!..»

Боже мой! Я сходил с ума!
Я погибал среди этих тонкостей,
Оттенков, нюансов.
Я брел, волоча яловые сапоги,
Я был ошарашен, подавлен,
Сбит с толку.
И вдруг я понял:
Природа боится однообразия!

Она дробит и дробит
В своей гигантской ступе
Все, что попадает под руку.
Мир — это лес,
В котором нет и двух
Одинаковых листочков.
Разнообразие — принцип,
Лежащий в основе жизни.
Ищите камешек того неповторимого
Оттенка, который единственно вам нужен.
Добивайтесь, бегайте,
Умоляйте!
Лишнее — необходимо!

1961

С В Е Т

Я дневника не вел. Я фактов не копил.
Я частность презирал.

 Подробность ненавидел.

Огромный свет глаза мои слепил.
Я ничего вокруг себя не видел.
Но годы шли. И в дружеском кругу
Хочу я рассказать о дальней дали.
Но ничего я вспомнить не могу,
Ни черточки случайной, ни детали.
Хоть малость бы какую! Нет как нет!
Передо мною лишь одно, не боле,
Один лишь белый тот слепящий свет,
Глаза, как бритва, режущий до боли.

1961

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИРИКА

СТИХИ О ДОЛГЕ

«Я эти песни написал не сразу...» . . .	5
«Пока есть в реках сила гнать камень...»	6
«Дайте полночь в мои осторожные руки...»	7
«Я знал его. Огнем одним...»	8
«Нет, не только все время ветер зловещий...»	9
«Мне далеко еще с полком идти...»	11
Земляк	12
Солдат	14
«Снегом густым...»	15
«Вечер в город весенний явился опять...»	16
«О, сколько солнца в детстве я познал!..»	17
«Мир разлетелся в две стороны...»	18
«Дым в окно врывается...»	19
В Карпатах	20
Двадцать пятого года рождения	21
Город	23
«Про смерть поэта с болью говорили...»	25
Казарма	
1. Скатка	26
2. Гамлет	27

Казарма	29
4. Обед	31
5. Полы	33
6. Первые стихи	34
7. Караулка	36
8. Сержант Денисов	37
9. Ансамбль	38
10. Ночь	39
11. От подъема и до отбоя	40
12. В долгосрочный	41

СИНЕВА

Синева	45
Мальчишки	47
Доброта	49
Я видел мир	51
Яуза	53
«Под сияющим небом игралищем гроз...»	54
В семнадцать лет	55
«Там валуны, шершавые на ощупь...» . .	57
«В судьбу походную влюбленный...» . .	58
Отцы	60
Окна	61
Москвичи	62
Красота	64
Уголь	66
Лебеди	68
Весна	70
Птицы	71
Вода	72
«На вешалке в передней шубка кунья...»	74

Черный хлеб	75
Аккордеон	77
Работа	79
«Земля омыта...»	81
«Ночь уже наступила глубокая...»	83
Ксения	84
Боль	87
Жена	88
Луна	90
Встреча	91
Любимые	94
«В час постелей...»	97

ПРИЗНАНИЯ

Природа	101
Стихи о детстве	
1. «На улице мне сладко было...»	104
2. «Сейчас поверят в это разве?...»	104
3. «Мне вспоминается...»	105
4. «Средь стен казарменной окраски...»	106
5. «Шпалерами стояли койки...»	107
6. «Срок воспитанья...»	108
7. «А где-то мать в платочке белом...»	108
8. «В узорах ризы золотые...»	109
9. «Отец смотрел на вещи строго...»	110
10. «Мы незаметно подрастали...»	110
Моя любимая стирала	112
Пещерный человек учился рисовать	114
Основа	115
Огонь	117
Вагон в 1918 году	119

Нищие революции	121
Кровь	122
«Прозванье дала себе каждая нация...» . . .	125
Акыны	
1. «О, как мудры акыны и наивны!..»	126
2. «Нет никого загадочней акынов!..»	126
3. «Легки акыны в этой жизни краткой!..»	127
Дядя	128
Марсиане	130
«В гаме и в угаре...»	131
«На чердаках и в полутьме подвалов...» . . .	133
Совесьть	135
Оркестр	137
«У дороги березы стеною...»	139
Мне кажется, что я старею	140
Женщины	141
«Когда мне будет плохо...»	142
«Рассудку вопреки...»	143
«Когда умру, то в стол ко мне...»	144
«В сапогах огромного размера...»	145
Море	147
Два лица	149
«Нам имена их вспомнятся едва ли...» . . .	151
Хочет женщина быть красивой	152
«Нет, эти босиком не выбегали...»	154
«Любовь, любовь!—мне с детских лет твердили...»	155
Старики	156
«Сосед мой, густо щи наперчив...»	157
Память	158
«Упаду, и никто не заметит на свете...» . . .	159

«Я словом правда не бросался...» . . .	161
«Если в поле иль на перевале...»	163
«Двадцатый век!..»	164
Глаза	166
Нары	167
На платформе	169
Незабудки	172

ЛИЦО ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ

Вдохновенье	175
Лицо человеческое	177
Сны	179
Лошадь	181
Пиры	183
Кузнец	185
«О чем мы пылко говорим, поэты...» . . .	186
«О сострадании! Нет грознее силы...» . .	187
Балы	188
«Не жалею: и я имел друзей!..»	190
«Я знаю жизнь. Ее я изучал...»	191
Полминуты	192
«Художник на подносе розы...»	193
«Так и живи, как прежде!..»	194
Марс	195
Одиночество	197
Сибирские вагоны-рестораны	198
«Не мучимый ни болями, ни страхом...» .	200
«Весною новой новая трава...»	201
«Как был уютен мир Эвклида!..»	202
«Когда мои друзья сойдутся за столом...»	203
«В парк с гитарой идем для форсу...» . .	204

Серебряный бор	205
«С боем вышли на берег Дуная!..»	207
Демон	208
«Я верил в стройность мира!..»	210
«Что нужно, чтоб поэтом стать?..»	211
«Есть люди. Не тщеславны по природе...»	212
«Как хорошо лицо свое иметь...»	213
Простота	214
Красавица	215
«Кто только мне советов не давал!..»	216
«Тоска по детству — ерунда!..»	217
«Подумаешь, Америку открыл!..»	218
Самолюбие	219
Женщина с красивыми губами	220
Хочу быть начинающим поэтом	223

СЛОВО

Слово	227
Интернационал	228
«Крестились готы. В водоем до плеч...»	229
Небо	230
«Поэт бывал и нищим и царем...»	232
В бумажном отделе ГУМа	233
Адам	235
Соловей	236
Женщина смеялась	237
«Вот снимок мой...»	238
Мир разложил на части Пикассо	239
Я чувствую разумность бытия	240
«Обложка иностранного журнала...»	241
Осень	242

Золотой характер	244
«В дни юности своей...»	245
Когда уходит женщина	246
Глубина	247
Я жил минутой	248
Мои друзья — загадка для меня	249
«Мне плохо: я ни разу не страдал...»	250
Единичность	251
Час	252
Учитель истории	253
«Священное умение говорить...»	258
«В подвале, где бомбоубежище...»	260
Мечь	261
Поэма о движении	262
Отрочество	265
Пьют пиво	267
Жилец напротив	269
«Поют слепые. Жаждет петь и петь...»	272
Нехитрый рай	273
Дерево	274
Упорство	276
Купание детей	277
Чудаки	278
Немое кино	279
«Цирк не люблю: вон тот сидит в пальто...»	280
«Зачем срывать повязку...»	281
Я посетил тот город	282
«Жалейте милых, коль сроднились с ними...»	283
«Бродячая украинская труппа...»	284
Похвала возрасту	285
На рынке	286
Счастливый человек страдает за других	287

Памятники	288
«Есть на всех вокзалах книга жалоб...» .	289
«Где вы, женщины, о которых...»	290
«Я потерял себя. Нет горестней потери..»	291
«Та женщина костлявая была...»	292
Заведующий поэзией	293
Художник, воспитай ученика	296
Все вынесу и все переживу...	297
Однофамилец	298
«Стихам своим служу. Я, как солдат, пред ними...»	299
Разнообразие	300
Свет	303

Евгений Михайлович Винокуров

ЛИРИКА

Редактор *Н. Крючкова*

Художественный редактор *Ю. Боярский*

Технический редактор *Л. Платонова*

Корректор *А. Шлейфер*

Сдано в набор 22/XI 1961 г.

Подписано к печати 22/II 1962 г. А03045

Бумага 70×108¹/₃₂—9,75 печ. л.=13,36

усл. печ. л. 7,24 уч. изд. л.+1 вкл.=7,27

Заказ № 936. Тираж 25 000. Цена 47 к.

Гослитиздат

Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19

Московская типография № 8

Управления полиграфической

промышленности Мосгорсовнархоза

Москва, 1-й Рижский пер., 2

47 коп.